

охота

и охотничье хозяйство

8

2008

Вологодская областная универсальная научная библиотека
www.booksite.ru

Благословенный праздник августа

Вадим ЧЕРНЫШЁВ

Охота — извечное любимое занятие и увлечение множества людей, населяющих Великую Россию. Охота вошла в быт народа и стала неотъемлемой характерной чертой нашей национальной культуры. Многие сугубо охотничьи даты и приметы стали общепринятым её достоянием, а меткий и образный язык охотников обогатил и украсил национальную лексику. И один из самых дорогих сердцу охотника праздников — день открытия летне-осенней охоты, — стал известен далеко за пределами охотничьих кругов.

Вот как начинает свой рассказ «Петров день» об этом празднике Антон Павлович Чехов:

«Наступило утро желанного, давно снившегося дня, наступило — ура-а, господа охотники!! — 29 июня... Наступил день, в который забываются долги, жучки, дорогие харчи, тёщи и даже молодые жёны...»

Рассказ шутливый, но ведь писатель, сам охотник, отлично сознавал, как этому весёлому племени людей, к которому он принадлежал, присуща склонность подтрунивать над собой, да ещё в такой радостный праздник, как открытие сезона охоты!

В течение многих лет охота начиналась в России с Петрова дня, 12 июля (по-старому, в чеховские времена, 29 июня). Рановато, конечно. Радость многих охотников омрачалась тем, что под выстрел попадали еще не вставшие на крыло, хоть и достигшие почти взрослых размеров, ждикотельные, с окамёлками вместо крыльев, утиные хлопунцы, полуголые поршки тетеревята и глухарята. Поэтому охотники нередко сами начинали охоту позднее. Мой дед, охотившийся в то время, открывал сезон 24 июня, в день именин своей жены, моей бабушки Ольги, чтобы украсить праздничный стол первой дичью.

Итак, август! С каким нетерпением я ждал его прихода! Я заранее делал дробь, протягивая свинцовые пруточки через волочильню, лил свинец в ведро с горячим поверх воды мазутом, вываривал в золе от порохового нагара старые латунные гильзы, прочищал затравочные отверстия в наковаленках, выбурал пыжи. И всё это, конечно, с вожделенными мечтами о том, как я побре-

ду в тёплой болотной воде, буду ждать долгожданно-неожиданного вылета материки, как, подломившись в полёте, она обвиснет в воздухе, звучно шлёпнется меж кочек. Охотник ведь всегда, и без ружья, остаётся охотником. Я приходил наведать друга, чтобы сладостно посудачить о близкой охоте, — и у него тоже возле крыльца в палисаднике валялся картон, издырявленный аккуратными дырочками от высечки пыжей. Дело идёт к августу!

Не бывает так, чтобы все, кто состоял в обществе и числился охотником, регулярно охотился: кого-то держат семейные или служебные заботы, кто-то «вышел в тираж», но не может представить, как жить без ружья и держит его в чехле — да мало ли какие обстоятельства могут «стреможить» человека?!

Но только не в открытие охоты по уткам. В этот праздник охотнику трудно усидеть дома. «Безлошадные» договариваются с приятелями, имеющими машины, чтобы добраться до заветных местечек, а тот, кто имеет хоть какие-то свои колёсные средства — велосипеды, мотоциклы, — приводит их в «боевую готовность».

По установившейся традиции охота начинается с вечерней зорьки в канун календарного открытия сезона. Многие из тех, кто расчехляет ружьё только в праздник открытия, в первые дни «утиной страды» далеко не забираются, полагая, что в привычном ближнем, но «непочатом» месте дичи хватит на всех. Таким местом моей школьной охоты в воронежских краях было известное всем сельским охотникам «Санаторское» озеро, располагавшееся за оконицей на опушке бора неподалёку от санатория, аккуратные домики которого просматривались меж сосен. Несмотря на близость к селу, кормное озеро неизменно манило уток, а значит — и утятников. В открытие охоты здесь было всему миру свидание! Приезжали, приходили все, кто не мог зимой и весной выбрать «глухоту из ног выбивать». Пожалуй, только на изредка затевавшуюся волчью облаву, когда из уст в уста передавалась весть о предстоящей «мобилизации», собирались столько «запасников» и «отставников». Рассевшись по отлогим, выбытим скотом, берегам озера, они ждали условленных пяти часов вечера, балагурили, шутками встречали подбывающих. А потом, облачившись в болотную лопотину, лезли в мелкое озеро, месили тинистое дно.

То же происходило на просторных Сарпинских озёрах и лиманах в Калмыцкой степи. Дорога туда была не близкой, добирались кто как может. Многочисленные «козлики», «москвичи»

и мотоциклы, съехавшиеся будто на межрайонную ярмарку, пустоглазо тащились на берегу в трёхметровые заросли тростника, поглотившие их хозяев, где происходило невидимое действие: всплески воды, негромкие изредка переговоры, заполошный крик утки, столбом взбирающейся из тросты в небо, торопливый вслед ей дуплет. При выкшша затаившись утиная молодь сидит поначалу крепко, приходится лезть в воду, вытаптывать её, поднимать на крыло.

Но на зорях, особенно на вечерней, птица сама, дождавшись своего часа, поднимается, чтобы «размять крылья», начинает мотаться с места на место, прибивается к мелким сътным прибрежным заводинкам. Для стрельбы на перелете удобнее низкотравные неглубокие лиманы, куда надо заранее забрести и ждать утиного бойкого оживления. Лучше — в «гидрокостюме», не-промокаемом комбинезоне до подмышек, с лямками через плечо. Для вытаптывания он не годится, тяжёл, но стоять в нём удобно. Посвежевший под вечер зелёный, среди горячей, выжженной солнцем степи, лиман упоительно пахнет водными травами и цветами. Ах, если бы ещё не комары. Лиман кажется безжизненным, лишь мелкие чайки лениво облетают его пределы, изредка падая в траву. Но вот, гнусаво известив о своём появлении, взмывает первый чирок, «стрижёт» быстрыми крыльями сочную зелень лимана. Начинается вечерний перелёт, весёлая стрельба!

Чуть позднее, чем утиная, открывается охота по выводкам боровой птицы. Вся её прелест — в картинной работе легавой собаки. Какое это удовольствие, вставши пораньше с сердцем, полным радостного ожидания, умно-жившимся радостью собаки, окунуться в прохладу бодрого августовского утра, идти встречать косым струнам лучей низкого солнца, любоваться страстным поиском своей, самим поставленной на работу, собаки. От её членоков на седой отросевшей траве тёмный тянется след, она фыркает от возбуждения и попавшей на чутьё росы, в решетах на-тканной за ночь паутины радужно блестят её нити, и кажется, что так же радужно светится каждая жилочка в ожившем, полном радости теле.

Это счастье — родиться охотником. Не стрелком по дичи, не спортсменом-чемпионом, обогнавшим других по трофеейной добыче, а именно Охотником. Больше, чем прочим, отпущенное ему Судьбою радости, больше у него праздников, среди которых, быть может, самый долгожданный и радостный праздник открытия летней охоты, благословенный Праздник Августа.

охота

и охотничье хозяйство

8

2008

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.
• Основан в октябре 1955 г.

У болотистого залива

Еще весной видел пару журавлей, которые присмотрели место для гнезда у болотистого залива «Московского моря». В августе, пока журавли не собирались в стаи, побывал у залива с фотожурьем. Надеялся увидеть молодых птиц.

Ждать пришлось долго. Появилось сомнение: удалось ли журавлям вырастить хотя бы одного журавленка?

Неподалеку пролетела цапля, похожая на доисторическую птицу. Выбрала место для рыбалки на мелководье у тростников. Стайка лысух кормилась среди не густых зарослей. Время от времени пролетали кулики, утки.

Наконец из тренировочного полета вернулась семья журавлей. В сопровождении взрослых летели два молодых. Отец семейства заметил меня и криком громко выразил недовольство. Птицы сделали еще круг, пролетели совсем близко, словно оценивали, велика ли опасность. В это время удалось снять крупным планом молодых и взрослых птиц в полете.

Журавли опустились за тростниками. А я заторопился домой, посмотреть на компьютере удалась ли съемка.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ. Фото автора

Таежная одиссея

Н. ЧЕСНОКОВ, биолог-охотовед. Фото автора

Дело было давно, более полувека назад. Я был тогда охотоведом Тюменского областного управления охотничьего хозяйства. Мне было поручено важное задание: доставить партию баргузинских соболей от города Тюмени в Ханты-Мансийский округ — Югру до места выпуска в бывшем Ларьякском, ныне Нижневартовском, районе. Место выпуска была определено раньше, располагалось оно на весьма отдаленной территории, километров за триста восточнее районного центра села Ларьяк в окрестностях поселка Корлики. За давностью времени некоторые детали путешествия с соболями стёрлись из памяти, но основные моменты этой таёжной одиссеи до сих пор стоят перед глазами.

Одну миниатюрную соболюшку прозвали Кокеткой — уж больно часто она зиркала своими шустрыми глазками, как будто старалась обратить внимание на свою милую мордашку. А мордочка у неё была действительно привлекательная: лобик покрыт блестящим коротким мехом, сверкающие глазки, маленькие ушки создавали общее приятное впечатление. Смелости и любопытства ей было не занимать. Пока соболей в маленьких клетках охотники несли за плечами, а потом везли на лошадях, Кокетка безбоязненно брала из рук дневную порцию мяса, быстро прятала её в сенной подстилке гнезда и снова тянула мордочку, как будто выпрашивая ещё. Путешествие до зообазы длилось не один день, санная дорога по тайге была отнюдь не идеальной. На одном крутом спуске сани, где была клетка Кокетки, перевернулись, клетки посыпались в снег. Клетку с Кокеткой возчик вытащил из снега, стряхнул и заглянул внутрь, как там соболюшка. Удостоверился, что с Кокеткой всё в порядке: она по-прежнему зиркала глазками и не показывала ни испуга, ни боли.

Зообаза заранее подготовилась к приёму живого товара. Первым делом были отремонтированы старые и изготовлены новые клетки для перевозки соболей, в которых зверьки предстояло преодолеть долгий путь на всех видах транспорта, от железнодорожного и самолётного до конного и оленного. Для удобства ухода за животными клетка состоит из гнездового и кормового отделений, разделённых стенкой с круглым отверстием. Дверцы с обоих торцов клетки ходят в пазах. Над кормовым отделением — проволочная сетка. Сопровождающим был назначен студент Иркутского зоотехникума Иван Дятьковский, учившийся на охотоведческом отделении. Это был его уже очередной рейс, за соболями он ухаживать умел. Для перевозки соболей железнодорожная поставила четырёхосный товарный

вагон, который потребовалось дообрудовать дощатыми полками для клеток и печкой-буржуйкой. Полки размещались вдоль вагона на высоте около метра. Дальний угол вагона отведён для запасов мяса и мороженой рябины.

Железнодорожная часть путешествия прошла относительно благополучно. Когда поезд останавливался надолго, Дятьковский шёл к начальнику станции, объяснял, что соболи не могут ждать, и обычно добивался, чтобы вагон цепляли к проходящему поезду. В итоге путь по железнодорожной дороге занял немногим более полумесяца, и вагон прибыл в пункт назначения в начале марта. Дни у Дятьковского были похожи один на другой, работа по обслуживанию соболей доведена до автоматизма: чистка клеток, замена снега в поилках, выкладка мяса — и так ежедневно. Некоторое разнообразие вносили побеги соболей из клеток. Дятьковский сначала боялся этого, ведь каждый зверёк на подотчёте, но, убедившись, что вагон не имеет дыр и щелей, перестал гоняться за сбежавшими соболями, оставляя их на свободе день-другой. Для поимки беглеца выставлялся открытую клетку, клал в неё мясо и ждал, когда проголодавшийся зверёк забежит в неё. Тогда захлопывал дверцу. Вот и весь сказ. Голод не тётка, заставит вернуться туда, где дают корм. Кокетка и здесь отличалась: она убегала неоднократно. Дятьковский удивлялся: как она поворачивает щеколду, запиравшую дверцу?

Наконец поезд прибыл в Тюмень, вагон отцепили и поставили на товарный двор для разгрузки. Я не буду описывать процедуру сдачи-приёмки соболей. Это долго и не для всех интересно. Скажу лишь об окончательном результате: всё оказалось в ажуре. Приёмка длилась целый день, и лишь к вечеру мы распрощались с Дятьковским. Он сел на поезд и уехал. С этого момента все материальные и организационные заботы перешли ко мне. В первую очередь надлежало увезти соболей с товарного двора. Мы подогнали две арендованные автомашины, загрузили их клетками и повезли на почтовую вагонную станцию, находившуюся в пяти километрах от аэропорта. Клетки перенесли в склад, покормили зверьков, заменили им снег в поилках, закрыли склад на замок, сдали сторожу и отправились домой. Моим сопровождающим был биолог Николай Полусадов из Екатеринбурга, приглашённый для сопровождения соболей к месту выпуска.

Неприятности начались утром. Когда мы открыли склад, обнаружили, что пять клеток пусты. Сбежали! Но куда? Щелей ни в полу, ни в стенах не было — это проверено раньше. Стали ползать по

периметру помещения, искать щели. Наконец нашли. Одно из нижних бревен оказалось внутри гнилым. Зверьки прогрызли в нём отверстие, я просунул в него руку, выхода наружу не было. Слава богу! Соболи из склада не убежали. Но где же они? Мы начали взламывать гнилое бревно и наконец в трухе нашли хвост и задние ноги соболя. Вот куда забрался, голубчик! За ноги вытащили зверька, он верещал, всячески изворачивался и кусался. Кажется, это был первый укус на моей руке. Клетка была наготове. Туда его, бедолагу, — и дверцу на защёлку. Стали искать остальных. Они были в том же гнилом бревне, тесно прижавшись друг к другу, словно пыжи в патроне. За ноги поочерёдно вытащили всех четырех и плотно забили гнилое бревно доской. Конечно же, среди сбежавших была Кокетка. Эта соболюшка отныне стала для меня злым гением. Что бы ни случилось, в этом обязательно участвовала Кокетка. Она держала меня под нервным напряжением вплоть до самого выпуска её на волю. Рассадили беглецов по их клеткам и быстро покормили.

Вскоре прибыли два грузовика. Мы разместили в них клетки — и на взлётное поле. Там уже ждали два самолёта АН-2. Этот воздушный труженик много лет обслуживал рыбаков, охотников, медиков, нефтегазоразведчиков. Погрузили клетки в самолёты, взревели моторы, машины одна за другую взмыли в небо. Внизу проплыли окраины Тюмени, а дальше пошли леса, скованые ледовым панцирем озёра. Наше путешествие началось! Самолёты шли с залётом в Ханты-Мансийск. Там захватили третьего члена нашей «соболиной группы», представителя Ханты-Мансийского окружного охотниччьего управления Петра Агеева. Теперь нас трое, будет легче при разгрузке-погрузке клеток и обслуживании зверьков. В полете до Сургута не обошлось без небольшой аварии. Перед самим Сургутом наш самолёт, на котором летели мы с Агеевым, вдруг зачихал. Летели над Обью, лётчик сбросил высоту. Почихав, мотор заглох. Самолёт спланировал в глубокий снег. Повезло! Всё обошлось благополучно. Бортмеханик быстро устранил неисправность, что-то с зажиганием. Теперь вопрос: как взлететь, самолётные лыжи в глубоком снегу. Экипаж самолёта и мы стали топтать снег, освободили лыжи, проложили дорожку для взлёта. Не знаю, как у других, а у меня семь потов сошло, был весь мокрый. Все погрузились в самолёт, мотор взревел, машина оторвалась от земли, и через несколько минут мы уже садились на окраине Сургута в пос. Черный Мыс, где располагалась взлётная площадка, гордо именуемая аэрородном. Самолёты разгрузили, клетки на лошадях перевезли в арендованный пустой амбар речного пароходства.

Так прошёл первый день. До Нижневартовска предстояло добираться на крошечных самолётиках ПО-2, так как самолёты АН-2 дальше не летали. ПО-2 — это те самые фанерные машины, на

которых в войну летали «ночные ведьмы». Дальше Нижневартовска воздушного пути не было, нужно до райцентра с. Ларька ехать лошадьми, а потом до места выпуска на оленях. Вот какой нелёгкий путь ожидал первую партию баргузинских соболей, а нам неотлучно быть при них, шагать пешком за санями, преодолевая немалые расстояния между редкими таёжными деревеньками. Впрямь одиссея! Правда, не такая долгая, как у древнегреческого героя, но по нынешним меркам довольно продолжительная, где-то порядка трёх с лишним месяцев. Кто знает, что произойдёт за эти месяцы, какие злоключения выпадут на нашу долю?

На следующий день нам выделили три самолётика ПО-2. Пришлось сделать по несколько рейсов, ведь в одну машину входило всего 12 клеток. Переброска живого груза в Нижневартовск заняла весь день. В Нижневартовске лошадьми перевезли клетки с соболями на крытый конный двор местного колхоза, с которым была договорённость о выделении конного транспорта. Наиболее сложным делом было обеспечение соболей мясом. Не в каждом сельском магазине оно было, приходилось обращаться к индивидуальным хозяйствам, покупать скот живым. В Нижневартовске, например, пришлось купить корову. Почти полдня ушло на её трансформацию в мясо и его расфасовку по мешкам для перевозки. Наконец клетки и корм погружены на пять саней, увязаны веревками и мы отправляемся в путь. Колхозный возчик восседал на первых санях, а мы, трое охотоведов, шли пешком, наблюдая за грузом. До Ларька предстояло пропасть две с половиной сотни километров вдоль реки Вах. Дорога шла то по берегу реки, то спускалась на лёд. Особенno опасны были раскаты на спусках. На каждом из них мы выстраивались шеренгой, чтобы страховать сани от переворачивания. В первый день проехали, а вернее, прошли полсотни километров до села Тархово, где намечалась ночёвка. Там предстояло менять подводы, нанять новые у местного колхоза. Сложившаяся система перевозки пассажиров и груза была похожа на перекладные пушкинских времён и почему-то называлась «веревочкой». В каждой деревне, где производилась смена подвод и ночёвка, имелся постоянный двор, там за плату можно получить пищу в виде традиционных сибирских пельменей и чай, а бесплатно — топчан для сна, в лучшем случае с соломенным матрасцем. Клетки с соболями разгрузили на постоялом дворе, составив их на ночь штабелем. Двое ушли спать, а третий остался дежурить.

Утром неожиданность: из клетки сбежал соболь. Угроза побега всё время висела надо мной, как дамоклов меч. Зверьки были у меня на подотчёте, каждый стоил более трех моих месячных зарплат. Ночёвки на открытом воздухе делали угрозу побега более осуществимой, как ни тщательно мы следили за исправностью задвижек на дверцах кле-

ток. Однако не убереглись. К счастью, ночью выпала пороша, и на свежем снегу следы соболя были хорошо видны. От штабеля клеток соболь юркнул под амбар, стоящий во дворе. Я обошёл его кругом, выходного следа не было. Уже хорошо. Я осмотрел пустую клетку. Это конечно, была клетка Кокетки. Диву даёшься, как она могла убежать?

Наш триумвират стал совещаться, что делать дальше. Решили, что наш обоз не должен задерживаться, ведь уже середина апреля, вот-вот нарушится зимняя дорога. Одному из нас надо оставаться, чтобы поймать сбежавшего зверька, а потом с ним догнать обоз. Я был моложе всех, мне и поручили поймать беглянку.

Стал обдумывать, как изловить Кокетку. Вспомнил рассказ Дятьковского, как он ловил сбежавших соболей. И надумал: клетку переоборудовать в живоловушку. Немедля приступил к работе. К полудню живоловушка была готова. Насторожку устроил так, что она с мясной наливкой поддерживала поднятую дверцу. Когда соболь зайдёт в клетку и, потянув мясо, стронет насторожку, дверка упадет. Насторожил ловушку, подсунул её под амбар, сам ушёл в избу. Теперь дело за зверьком, как скоро он проголодается и учуёт мясо в клетке. Соболь попался только под утро. Ловушка сработала как надо. Перехитрил-таки Кокетку! Теперь надо срочно ехать дальше, а в колхозе нет ни саней, ни возчика. Пришлось день промаяться и оставаться на ночевку. Утром мне дали и лошадь, и кучера. Я отправился вдогонку за обозом с комфортом, сидя в кошевке рядом с возчиком, а в ногах стояла клетка с Кокеткой. Теперь я не сводил с клетки глаз, всё время проверял защёлку на дверке. Так и ехали до Ларька, затратив на дорогу почти два дня: в середине дня так подтаивало, что копыта коня проваливались на утоптанной дороге, того и гляди, чтобы он ногу сломал. Но всё обошлось. И соболяшка особой заботы не требовала. На ночь оставляя клетку в сенях постоянного двора, накрывая от любопытных мешковиной. Кормил Кокетку разной пищей: говяжьим мясом, мороженой рыбой, куриным яйцом — изучал её вкусы. Кокетка предпочитала есть мясо. Рыбу утаскивала в гнездовое отделение и прятала под подстилкой, видимо, на черный день. Я впервые увидел, как соболь переносит целым яйцо. Кокетка широко открывала рот, захватывала яйцо и переносила его в гнездовое отделение — тоже про запас.

Догнал обоз в Ларьке, когда клетки с соболями перегружали с конных саней на оленьи нарты местного колхоза. В Ларьке мы не ночевали, торопились в Корлики. Ехали даже ночью по заморозку. Через два дня были в Корликах и вздохнули с облегчением: все же успели до распутицы. Быстро освободили от клеток нарты ларькского колхоза, чтобы их олений обоз мог вернуться обратно до распутицы. Корликовский колхоз уже подогнал два десятка оленых упряжек. Рано утром, по морозцу отправились в последний, завершающий этап

нашей эпопеи. Путь лежал на юг, надо было проехать около сорока километров. К полудню достигли елово-кедрового леса — это и было долгожданное место выпуска. Немедля стали выпускать соболей следующим манером: останавливали обоз и разгружали последнюю нарту. На каждой нарте было по пять клеток. Их расставляли через насколько десятков метров одна от другой. Вытаскивали из пазов дверку и в каждую клетку клали на три дня мяса. Проезжали дальше 300—500 м и проделывали те же действия с очередными пятью клетками. И так разгрузили все двадцать нарт. Интересно было наблюдать, как вели себя соболи после удаления дверки. Иные стремительно выскакивали и прыжками исчезали в лесу. Это были, по-видимому, самые крепкие и смелые особи. Другие опасливо высовывались из клетки, оглядывались по сторонам и снова исчезали в ней, словно раздумывая, стоит выходить или нет. Такие покидали клетку через некоторое время. Некоторые зверьки не хотели покидать привычное обиталище, в котором было безопасно и сытно. Таких мы не принуждали: выйдут сами, когда прикончат мясо и проголодаются. Наконец-то я распрошлся с Кокеткой. Даже жалко было расставаться, уже свыкся с этой взбалмошной дамой. Она была в прекрасном состоянии и не страдала нерешительностью. Как только я открыл дверку, соболяшка стремительно метнулась наружу и прыжками исчезла вдали. Даже не оглянулась, неблагодарная!

Итак, соболи выпущены. Обратно возвращались по снежному месиву, местами олени брели по воде. В Корлики мы кое-как доехали, а выехать уже не смогли. Наступила весенняя распутица. Пришлось ждать водного пути, а он открылся только после ледохода. Из Корликов выехали первым катером, из Ларька — первым пароходом. В Нижневартовске пару дней ожидали пассажирского теплохода на Тюмень. В центр области вернулись в конце июня. Вся соболиная одиссея продолжалась около четырех месяцев.

Выпущенные соболи хорошо прижились в новых местах обитания. Первые сведения о них сообщили корликовские охотники, которые по малому снегу отправились на промысел белки в урман, куда были выпущены соболи.

Через два года я снова приехал в Корлики, чтобы узнать, как чувствуют себя новосёлы. Зверьки широко разошлись по корликовским лесам. Я видел массу следов как вблизи поселка, так и за сотню километров от него. Общее количество соболей мной определено в 450 голов.

Помимо этого, первого, произведенного нами выпуска, в 60-х гг. в округ были завезены еще несколько партий баргузинских соболей общим количеством около тысячи голов. Я рад за тех охотоведов, которые проводили те выпуски. Им было легче. И места для поселения выбирали поближе, и самолёты летали до самых точек выпусков. В итоге нашей общей работы вся территория округа заселена этим исконным аборигеном тайги.

В. МАКСИМОВ

В № 2 (2007) журнала была опубликована статья М. Павлова «Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснежья». К моему сожалению, далее ни в одном из номеров журнала откликов на эту статью не последовало. В связи с этим предлагаю для публикации статью, подтверждающую открытие, сделанное М. Павловым.

О небывалой пластиности кабана как вида, об условиях проживания, о зимовках кабана в центральной полосе России мне было известно из курса «Биологии промысловых зверей и птиц», который нам читали в Московском пушно-меховом техникуме. Вопросов не возникло. Я видел забытые картофелем и зерноотходами прикормочные площадки в охотхозяйствах. А кроме этого — неубранные поля зерновых. И поля картофеля, где после уборки 30 % картофеля оставалось в земле. Все это обеспечивало «бездедное» существование популяций кабана в любое время года. И лишь однажды, во время прохождения зимней практики в Брейтовском районе Ярославской области, от районного охотоведа Ураймагова И., я услышал, что в районе кроме «домашних», выходящих к подкормочным площадкам кабанов, есть еще небольшие микропопуляции кабана, которые живут у болот и прикормочные площадки не посещают. Отличительными особенностями этих микропопуляций охотовед назвал их крайнюю осторожность, более темный цвет и низкую численность сеголетков уже к ноябрю. Эта информация была мной принята к сведению.

Волею судьбы в 1989 г. я попал в Западную Сибирь, где до сего дня работаю, вначале егерем, теперь охотинспектором. Таборинский р-н Свердловской области типично равнинный участок Западно-Сибирской низменности. Относится к подзоне средней тайги. Особенностью является густая сеть ручьев и речек (протоков р. Тавда) и очень большая площадь болот, в основном «верховых», простирающихся иной раз на десятки километров. Зима нередко длится с октября по май. То есть условия для существования кабана довольно суровые.

Но кабан здесь есть, более того, численность его стабильна уже который год и даже имеет небольшую тенденцию к росту, довольно уверенную. Первые кабаны у нас в районе появились (после выпусков по югу Свердловской области и в Тюменской области) в начале 80-х (Киселёв А. «Охота и охотничье хозяйство», № 11, 1986 г.). В 1989 г. кабан уже встречался по всему району и продолжал заселять подходящие угодья. Расселение кабана совпало с резким сокращением пахотных земель. В настоящее время в районе площадью 1,2 млн. га из всех пахотных земель заставается от силы 1 тыс. га, и то на юге

Куда исчезают кабаны зимой?

района. Севернее лишь два хозяйства засевают по 50—300 га зерновых в год. Высаженные условия заставили кабана приспособливаться. Появились признаки, позволяющие ему жить в условиях Сибири.

С самого первого года работы в Таборинском районе я не мог найти ответ на вопрос, куда девается у нас кабан в зимний период? Летом кабаны встречаются практически везде. Их местообитания приурочены к застраивающим полям в местах, где некогда были села и деревни, по сосновкам вдоль берегов рек, не говоря уже о местностях с посевами зерновых. В октябре следы жизнедеятельности кабана начинают исчезать, и примерно с середины ноября не встречаются практически нигде. Зверь как будто исчезает. В ЗМУ следы кабана отмечают очень редко, в связи с чем бывают проблемы с выделением лицензий. Итак, где же кабаны? Первая мысль, которая пришла мне в голову — откочевали. Откочевать звери могли в Турицкий, либо Тавдинский р-ны. Но, во-первых, это от 100 до 200 км. Во-вторых, не было данных об увеличении численности кабана в этих районах в зимний период. И, в-третьих, с 1989 г. я веду наблюдения на участке угодий (40 тыс. га) в верховьях рек Таборинка, Бол. Кылья, Ёмная. И лишь однажды, в ноябре, был отмечен переход группы кабанов (4—6 шт.) в сторону водораздела рек Тавда-Тура. Причем не факт, что эти звери пересекли водораздельное болото. Но где же зверь? Куда он девался? Ответ я получил лишь в этом году, прочтя статью М.П. Павлова «Потрясающее чудо природы: кабаны в лесах вятского глубокоснегья».

В моем голове наконец-то все встало на свои места. Ведь еще в 1991 г., в ельнике я случайно наткнулся на траншею в снегу. Она была припорошена, и я вначале принял ее за след группы волков, но под одной елью рассмотрел отпечаток копыта кабана. Это было в конце января. Обойдя эти угодья в дальнейшем практически вокруг, я больше эту борозду нигде не видел. В дальнейшем я трижды обнаруживал подобные траншеи в снегу. Причем вторую я нашел на болоте, она вела от одного елового острова к другому, а глубина снега в момент обнаружения была около 1 м (я чуть не сломал лыжи, переходя траншею). Длина траншеи составляла около 400 м. Но главное, никаких следов кормежки! За прошедшие годы мне удалось обозначить четыре места, куда кабан уходит в осенний период и откуда он появляется в конце апреля-мае. Приурочены они к верховьям рек, ручьев с невырубленными ельниками, очень густым елово-пихтовым подростом, островом (еловым) в болотах, реже — куртинам ельников в более крупных масси-

вах леса. Очень редко одиночные звери зимуют в скирдах сена (1 случай). Сейчас скирд нигде уже нет. Далее еще интересней, — эти места зимовок кабана на 100 % совпадают с местами, где ложатся в спячку медведи (анализ 8 берлог). Причем медведь у нас зимует (95 %) в верховых берлогах (слегка утланное травой «гнездо» под деревом, либо в густом ельнике). Казалось бы ответ на поставленный выше вопрос витал в воздухе, но недостаток познаний в биологии не позволили мне его сформулировать, я все не мог понять, чем же кабан кормится? Я не учился у Мантефеля, и понятие скрытого видового признака мне было неведомо. Хотя практика показывала — зверь спит. На это указывали места зимовок, отсутствие мест кормежек, да и способность кабана, как и медведя, накапливать запасы жира. А если еще есть возможность с осени его запасти, то звери зимуют весьма комфортно. В 2006 г. в конце апреля я наблюдал на краю поля группу кабанов, пришедших с мест зимовки. В группе было две свиньи. У одной был прошлогодний поросенок, а у второй — аж четыре! Все звери были резвые, в нормальной кондиции. Осенью они кормились на этом поле. Оно было засеяно пшеницей. Еще хотелось бы отметить такой признак жизни каба-

на в условиях Сибири — отсутствие больших групп зверей. Максимальное количество зверей в группе, которое по следам мне удалось сосчитать, — 8 особей. Среднее количество 2—5. Уже к ноябрю в живых остается 1—2 сеголетка. Также довольно большой процент одиночных зверей, в основном самцов 2—6 лет, хотя встречаются и подсвинки, и это при довольно высокой численности волка.

Думаю, уже в ближайшую зиму факт зимнего сна кабана будет подтвержден большим количеством корреспондентов, что в дальнейшем должно повлечь изменения в методике учетов данного вида животных, а также промыслового использования. Методика учета кабана по северу его ареала во время ЗМУ дает недоучет до 60 % численности. По зимнему учету у нас в районе выходит 30—40 голов, а фактически — не менее 100 голов кабана. В 2006 г. я лишь по северу нашего района в летний период насчитал около 30—35 голов кабана.

В заключение хотелось бы отметить, что кабан — вид, способный преподнести еще не один «сюрприз» для охотников-биологов. Вид нуждается в дальнейшем изучении, особенно по составу кормов и взаимодействию с хищниками в северной и восточной частях его ареала.

Максимальное количество зверей в группе, которое по следам мне удалось сосчитать, — 8 особей

Фото А. Дигилевича

САФАРИ Александра Хохлова

К 50-летию со дня рождения

А. ДМИТРИЕВ
Фото из архива редакции журнала «Сафари»

В 1996 г. впервые в журнале «Охота и охотниче хозяйство» появился портрет Александра Хохлова. Очерк Татьяны Жуковой о московском охотничьем клубе «Сафари» сопровождали несколько снимков трофеевых охот в Африке и Европе, и на одном из них — Александр со своей женой возле добывшей антилопы ньялы. Правду сказать, мне и сегодня охота в Африке недоступна, а уж в те годы более реальными показались бы снимки, сделанные на Марсе. Спустя год в «Охоте и охотничьем хозяйстве» (№ 6/1997) была опубликована статья уже самого Хохлова. Автор увлекательно рассказывал об охоте на леопарда в Южной Африке, а на последней странице обложки — Александр стоял с добывшим леопардом. И еще через год, в №№ 8, 9 и 11/1998 он рассказал об охоте в горах Макензи, в Канаде — на барана Дала и козу Скалистых гор. Если не считать продолжения повествования о приключениях в горах Макензи одном из номеров следующего года, больше публикаций этого автора в «Охоте и охотничьем хозяйстве» не было. Причина оказалась про-

стой — Александр Хохлов создал свой журнал под названием «Сафари».

Случайным и в то же время знаменательным совпадением является то, что в 2008 г. с разницей в пару месяцев, журнал «Сафари» праздновал выход в свет пятидесятого номера, и Александр Хохлов тоже отмечал юбилей — в июне ему исполнилось 50 лет.

Николай Дмитриевич, отец Александра, увлеченный рыболов, с детских лет брал сына в путешествия по родной Рязанской земле и в этих поездках приходилось сталкиваться со всеми радостями и трудностями полевой жизни. Многому научила и служба в десантных войсках в Фергане. После армии Хохлов попробовал себя шахтером в Заполярье. Проработал там два года и так подружился с оленеводами, что однажды целий месяц кочевал с ними по тундре. Вернувшись домой, в Химки, он устроился в местную газету «Вперед» фотокорреспондентом, получил высшее образование в Московском государственном институте культуры по специальности библиограф. Когда появилась вакансия в отделе пропаганды Ассоциа-

Александр Николаевич Хохлов на Кавказе, 1984 год.

ции «Росохотрыболовсоюз», он перешел на работу туда, и этот выбор определил всю дальнейшую жизнь.

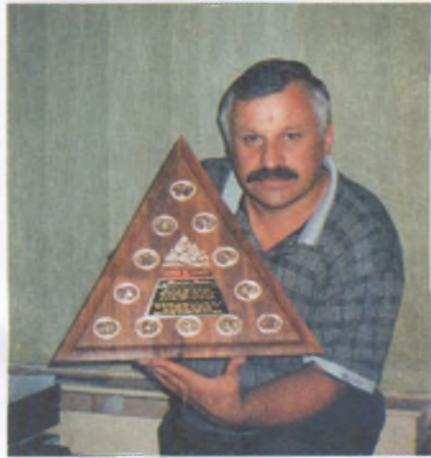
Организация встреч с союзами охотников советских республик и социалистических стран, выпуск охотничьи-рыболовной литературы, участие в съемках документального кино «Охотниче поле России», «Охотники и рыболовы России», «Охотничьи собаки», «Охота в Киргизии» сопровождались частыми командировками по всему СССР и охотой в самых различных регионах страны. Тогда казалось, что именно о такой работе он и мечтал всю жизнь. В конце восьмидесятых на охоту в Россию стали р�аться иностранцы, особенно много среди них было американцев. «Росохотрыболовсоюз» организовывал эти туры, и Александр впервые узнал о международных клубах охотников, о международных выставках и о популярном среди иностранцев охотничьем туризме.

В 1989 г. он создал туристическую компанию, и одним из первых ее клиентов стал президент Международного клуба «Сафари» (SCI) Уоррен К. Паркер, который привез с собой Россию целую группу охотников. Благодаря успешно проведенной охоте, компания вышла на американский туристический рынок, а потом и на европейский. То, что не могли дать совершенно неподготовленные в то время к работе с клиентом егеря, Александр брал на себя. Он обеспечивал успех и безопасность охоты, выполнял всю необходимую работу по лагерю, свежевал зверя и подготавливал трофеи к транспортировке.

Баран Марко Поло, добытый А. Хохловым на Памире в 1997 году

Самыми популярными среди американских охотников в начале девяностых были Михаил Горбачев и Александр Хохлов. Его имя многократно упоминалось в иностранных охотничих журналах, ему вручали награды от SCI и Конгресса США. Александр стал членом SCI и первым из россиян попал в Книгу рекордов клуба с трофеем снежного барана. Первого в России его приняли в Международную ассоциацию профессиональных охотников и Международную ассоциацию охотников на диких баранов. Долгое время он был единственным в России (и одним из 136 человек в мире!) обладателем самой престижной мировой охотничьей награды «Super Slam», присуждаемой за выдаю-

Самая престижная мировая награда «SUPER SLAM» за выдающиеся охотничьи достижения

щиеся охотничьи достижения. Он охотился и рыбачил более чем в 150 странах мира, объехал практически всю Россию.

В середине девяностых Александр организовал в Москве клуб трофеиной охоты «Сафари» и филиал SCI, директором которого и стал. Созданная им туристическая компания «Сафари и экспедиции» стала лучшей российской командой, организующей охотничьи и рыболовные туры по всему белому свету. К концу девяностых Хохлов написал кни-

гу о своих охотах в нескольких странах Африки («Африка с нами»), а через пару лет — и о своих горных охотах («Вершины охоты»). И еще он начал издавать журнал, который стал для российских охотников и рыболовов окном в мир. Каждый номер «Сафари» знакомил и знакомил читателей с удивительным миром охотничих и рыболовных приключений в Африке, Америке, Азии, Австралии и Новой Зеландии, с традициями комфортных и добывчивых охот и рыбной ловли в Европе; рассказывал о масштабах выставочной жизни во всем мире. При этом особое внимание уделяется охотничьему и рыболовному туризму в России, одной из самых богатых трофеиными видами животных стран. Благодаря инициативам главного редактора, которым является Александр Хохлов, журнал сразу занял активную жизненную позицию по целому ряду направлений. В редакции родилась идея проведения всероссийского конкурса-выставки охотничьих трофеев, и уже в №1/2000 был опубликован его проект. Довольно быстро стало понятно, что одному журналу не справиться с организацией выставки, и Хохлов обратился в Правительство России с предложением поддержать идею «Сафари». 5 декабря 2002 г. в с/к «Олимпийский» была торжественно открыта 1-я Международная выставка «Природа, охота и охотничьи трофеи». В рамках выставки прошел и первый в России чемпионат по таксидермии, инициатором которого также выступила редакция журнала «Сафари», осуществлявшего его информационную поддержку. В 2002 г. журнал учредил систему наград, и с того времени уже у десятков читателей «Сафари» красуются на стенах офиса или домашнего кабинета планшет-сертификаты, удостоверяющие членство его обладателя в виртуальном клубе трофеев журнала.

Одним из интересных для большинства читателей и для тех, кто никогда не читал и не видел журнала «Сафари», стал проект по созданию видеоприложения к журналу «Сафари-Видео» (сначала на видеокассетах, потом на DVD): Огромное число телевизионных компаний по всей стране и в ближнем зару-

На первой охоте с пятилетним сыном Никитой

бежье уже четыре года транслируют 26 полчасовых программ об охоте, рыбакле и многому тому, что непосредственно связано с этими занятиями.

Журнал «Сафари» стал логическим продолжением деятельности Александра на поприще охотничьего туризма и трофеиной охоты. Как и все, за что борется Хохлов, журнал оказался успешным проектом.

Перефразируя слова В. Маяковского, можно сказать: «Мы говорим Хохлов, подразумеваем «Сафари»; мы говорим: «Сафари», подразумеваем Хохлов». И хочется надеяться, что у журнала «Сафари», которому в 2009 г. исполнится 10 лет — большое и светлое будущее.

Мы поздравляем большого охотника Александра Николаевича Хохлова с пятидесятилетием и желаем ему новых творческих успехов, новых замыслов, путешествий и трофеев. Пусть ветер странствий наполняет паруса его мечты, пусть его жизненный корабль стреится к новым свершениям. Так держать!

«Муравейник» — единственный в России журнал о природе для семейного чтения, где есть что почитать и детям, и взрослым. Три вечные ноты в богатой гамме человеческого бытия — детство, природа, семья — неустанно звучат в журнале. Здесь есть постоянный, ежемесячный охотничье-рыболовный раздел для детей и подростков.

**Подписка по каталогу Агентства «Роспечать»
(индексы 73233, 48558 — годовой)**

Лисица

С. КУЧЕРЕНКО

Героиня этого очерка — одна из главных персонажей детских сказок, причем сказочные лисицы наделены более или мене реальными чертами, что в некоторой мере облегчает рассказ о них. Непременные качества лисицы — длинный пышный хвост, рыжая шубка, до бела светлая на животе и груди, плутовская узконосая мордочка с выразительными оранжевыми глазами. К этой популярной характеристике нужно добавить, что она стройна, изящна, имеет удлиненное туловище на невысоких ногах, размером с небольшую собаку. Из ее общей длины почти половина (точнее 40 %) приходится на знаменитый хвост. Об этом так хорошо все знают, что достаточно кому-нибудь появиться на Новогоднем карнавале просто с длинным пушистым хвостом, как и без маски все решат: лиса!

Все зовут её рыжей, и это верно, однако относительно. В северных лесах лисицы огненно-красные и крупные, в степях — желтовато-серые и мелкие. И еще: у лисиц наблюдаются разнообразные цветовые отклонения в окраске меха. Сиводушки, крестовки, чернобурки — это обыкновенные лисицы с отклонениями от нормальной окраски. Наиболее красив черно-бурый мех с примесью чисто-белых вершин остьевых волос, придающих ему приятную серебристость. Таких лисиц уже давно разводят на зверофермах, а в диком мире они очень редки.

Лисица живет почти на всей огромной Евразии и в Северной Америке. Два десятка подвидов этого преинтереснейшего зверя населяют множество природных зон и экологических ниш. Их знают в лесах и тундре, в горах и на болотах, на сельских окрестах и в полнейшем безлюдье. Однако более всего она предпочитает открытые ландшафты с колками леса, оврагами и распадками, водоемами, лугами и полями. Определенно избегает лишь глухой тайги, многоснежных зон и пустынь.

В движениях физически прекрасно развитой типичной хищницы бросается в глаза ее быстрота и ловкость. Бегает она так резво, что не всякая собака способна ее догнать, а если и догоняет, то далеко не сразу. Обычная манера ее передвижения — неторопливая рысьца, нередко она переходит и на шаг, замирает, внимательно осматриваясь вокруг. При скрадывании добычи сливается с местностью и ползет на брюхе. От преследователей уходит большими стремительными прыжками, и всё время сбивает их с толку — запутывает следы, хитрит, изворачивается. Её смекалка при бегстве и на охоте вызывает восхищение.

Иногда приходится наблюдать в лисьем поведении такое, что напоминает

эпизоды из сказок. К тетеревам, например, токующим на открытой поляне, она подбирается очень хитро. Вроде бы они ее нимало не интересуют, она на них и смотреть-де не желает. Ляжет, «подремлет», а стоит разгоряченным птицам заняться весенними страстями, Патрикевича продвигается к ним на метр-другой. Потом следует несколько молниеносных прыжков — и одной птицы нет... И в точности такую охоту лисицы мне посчастливилось наблюдать в отечестве, к тому же схваченного плутовкой чернышя я у нее «отобрал», испугав выстrelом изблизи.

Сообразительность лисицы и ее осторожность не без оснований признается свидетельством высокого психического развития. Однако ее умственные способности заметно ниже, чем у волка. Беднее у нее и мимика. Об этом свидетельствуют и строгие научные сведения: уровень цефализации у волка равен 13,5; у койота — 10,5, а у лисицы — 7,5.

Но почему же ее зовут Патрикевичной? А правил когда-то Новгородским княжеством Патрикей, и был он удивительно изворотливым и хитрым, чем и прославился. С тех пор ему подобных и стали называть Патрикевичем да Патрикевичной. Но крепче крепкого это прозвище пристало к лисице, и не зря пристало, потому что это действительно хитрый, изворотливый и ловкий зверь.

Лисица — великолепный охотник. Помимо наблюдательности и сообразительности у нее отличная память, хорошее обоняние, острое зрение и замечательно острый слух. Писк мыши, пусты и под снегом, она услышит и за сотню метров. Прошеплит полевка в лесном опаде — и тут же ее засечет любительница полакомиться свежинкой.

Она хорошо лазает по кручам, плавает, а на бегу очень маневренна. И на

дерево способна вскарабкаться, если оно немного наклонено или начинает ветвиться невысоко над землей. Ее прыжки достигают в длину 4—4,5 м, в высоту — до 1,3 м.

Лисица до подробностей знает свои охотничьи владения и систематически активно их обследует. Перед выходом на охоту 10—15 мин. осматривает местность, прислушивается и принюхивается. В поисках добычи обычно передвигается против ветра, заходит на повышенные места для обзора местности. Насторожившись, или что-то зачувя, встает столбиком. Зимой узорчатые цепочки ее следов причудливо расписывают поля, перелески, овраги, теряясь на натертенных тропах и дорогах, скручиваясь вокруг скирд соломы, копен сухих соевых стеблей, валежника и других мест, где обычна ее излюбленная пожива. На следах охотящейся лисицы попадаются то разгребенные вороха сена, то задавленная и брошенная землеройка, а то и перья зазевавшейся птицы.

Мышкует лисица старательно и виртуозно: ей ведь в сутки нужно до двадцати зверюшек. Представьте себе оселепительно белое поле, а на нем яркий сгусток энергии. Пробежав немного легкой рысью, она останавливается, обдумывая свои дальнейшие действия. И вдруг насторожилась, прокралась. Потом взметнулась на задних ногах и нырнула в снег, оставив в поле вашего зрения лишь мечущийся в азарте хвост. А через несколько секунд вы увидите ее аппетитно жующей.

И снова в путь.

Набор лисьих кормов разнообразен. Она с удовольствием ест все живое, что способна осилить, а особенно зайцев, кроликов, ондатру, птиц... Любит и лягушек, не гнушается выбросами моря, падалью. Умеет ловить рыбу и раков. Не

проходит мимо ягод, орехов, желудей. Осенью обожает полакомиться соей и кукурузой, арбузами и дыней. Насекомые, черви, улитки и другие беспозвоночные тоже в ее меню. Ну а страсть к птицам иногда приводит ее в курятники, хотя и знает, что за это ей может крепко влететь. Максимальный вес пищи в желудке лисицы 420—450 г. На кормежку выходит два раза в сутки. Излишки пищи старательно прячет в тайниках.

Взрослые лисицы придерживаются своих участков, и тем не менее дерутся из-за них редко. Для этих зверей характерна дружба и общительность. Нередко неподалеку друг от друга отдыхают или даже охотятся несколько особей. Но при более глубоком изучении социо-психологического поведения этого зверя оказывается, что терпимы и даже дружны между собою особи общего «корня», связанные семьюственностью. Обычно они и живут на соседних участках. К чужакам же относятся враждебно. Особенно в пору выкармливания и воспитания молодняка.

Лисица в общем молчалива. Чаще всего она подает голос в гон по ночам, и напоминает он тявканье обычной дворняжки. Самец, взлаивает громче и чаще, с характерным кошачьим криком в конце, самка же после двух-трех взлаиваний коротко и высоко воет. Чаще кричат лисицы перед зимней непогодой при сильных морозах. Возможно, заранее ищут пару: приходилось наблюдать, как в крепкие холода — в декабре и январе — лисы уже охотятся парами, парами и отдыхают. Родители вызывают щенков из норы своеобразным фырканьем: «уфф-уф». Щенки молчаливостью не отличаются, особенно по ночам, когда их визгливое тявканье слышно до километра.

След лисицы очень характерен, его отпечаток можно спутать лишь со следом енота, но ход лисицы более правлен, размашистее и ровнее, шаг же шире. При рыси — наиболее характерном аллюре лисицы — след задней лапы ставится точно в слад передней с другой стороны. Между отпечатками 25—

35 см. Проходя по одному и тому же месту повторно, она все равно стремится ступать в свои следы.

Весной нору лисицы можно обнаружить по куртинкам густо разросшихся на унавоженной почве травы и кустарника и резкому неприятному запаху, ибо этот зверь не отличается чистоплотностью.

Индивидуальные участки наиболее характерны для лисовинов. Особенно ревностно их охраняют и усиленно маркируют вскоре после распадка выводков, когда сеголетки бродят в поисках своего «местожительства», и в конце зимы перед гоном. Ольфакторные (обонятельные) и зрительные метки чаще всего наносят по периферии участка на приметных предметах.

Размер индивидуального участка определяется в основном кормностью угодий и плотностью населения. В лучших местах он имеет в диаметре около полутора километров — 100—200 га, но чаще лисица осваивает территорию в радиусе 3 км вокруг основного гнезда. Соседние индивидуальные участки тесно налегают друг на друга. Решительно и дружно изгоняются лишь бродячие чужаки. Наиболее строго территории охраняется в теплое время года. Индивидуальный участок у самца больше, чем у самки, примерно в полтора раза. Нередко на территории лисовина бесконфликтно живут две-три самки. Несколько раз приходилось наблюдать несколько лисиц в пределах их зрительных контактов. А обилие молодняка вблизи родительской норы позволяет говорить о семейных участках лисиц.

Суточный ход лисицы колеблется от 0,5 до 15 км, в исключительных случаях до 25 км. Но чаще всего он равен 7—8 км. Особено много и торопливо она охотится во время выкармливания щенков и перед непогодой или холодами. При обилии корма, в том числе и падали, ходит предельно мало. А вот по первому снегу и после пороша Патрикеевна в стремлении внимательно осмотреть свои владения рыскает особенно много и долго. Однако после обильных снегопадов она день-другой отлеживается.

И тут важно отметить, что с сентября по март героиня нашего рассказа норами не пользуется, отдыхая в приглянувшемся ей месте. Норный период в ее жизни связан с выводом потомства.

Норы лисицы устраивают обычно на релках, склонах холмов, в обрывистых берегах оврагов — там, где почва хорошо дренирована и вблизи имеется водоем. Землерой лисица плохой, тем не менее ее норы сложны и надежны. Гнездо находится чаще всего в 1 м от поверхности, гнездовая камера чуть больше — 0,5 м в диаметре. Имеется и несколько запасных убежищ. Они теплы и удобны. Длина главного хода в гнезде 2—3, редко до 4—5 м. Вход в норы надежно маскируется. Норы после гона старательно обновляются. Меняются они при опасности и в «гигиенических» целях: лисица, скажем еще раз, не отличается чистоплотностью. И потому-то выводок чаще всего находит по неприятному запаху.

Скажем еще несколько слов о брачной поре жизни нашей героини, начинаяющейся в конце зимы. Как водится и у многих других зверей, за одной невестой ухаживает несколько женихов. Они возбуждены, часто тявкают и взлаивают, нередко и дерутся. А состоявшиеся пары игравы и ласковы, и своеобразно танцуют: встанут на задние ноги и кружат один около другого, вывалив языки в возбуждении.

Беременность длится обычно 52 дня, щенение — в апреле. Самка после родов около недели от гнезда не отлучается. В помете от двух до десятка щенков, в среднем 6,4. Новорожденные слепы, глухи и беззубы, весят примерно 90 г. Внешне они похожи на волчат и енотиков, но в отличие от них у лисят кончик хвоста всегда белый. Лактирует мать шесть-семь недель, но уже в месячном возрасте молодняк вылезает из гнездовой темницы и начинает жадно познавать окружающий мир, учится добывать пропитание, радуясь даже лягушке или жуку.

Отцы лисьих семейств — прекрасные семьянини. Они не только заботливы в выращивании потомства, но и трога-

Лисица — великолепный охотник, писк мыши она услышит и за сотню метров

Фото А. Назарова

тельно ухаживают за своими подругами задолго до появления на свет детенышь: приносят пищу, благоустраивают жилье и даже выискивают у них блох... Случается, овдовеет самка перед щенением или вскоре после него, и в этом случае холостой самец берет на себя роль отчима, а ухаживает за приемными крошками и их матерью ничуть не хуже законного отца и супруга. И более того, лисовины до того заботливы, что иногда сражаются за право быть отцом или отчимом. И матери не безучастны в таких конфликтных ситуациях, потому что хотят, чтобы за их чадами ухаживали более сильные и ловкие, и третьим лишним вполне может оказаться законный отец малышей. И еще: оказавшиеся по каким-либо причинам яловыми самки старательно ухаживают за малышами подруг.

Родителям приходится трудиться день и ночь, чтобы накормить своих поджарых, длинноногих, прожорливых детенышь. В это время взрослые предельно осторожны. Стоит человеку даже случайно наткнуться на выводковую нору, как в ближайшую же ночь лисята будут перенесены в запасное гнездо.

В сообразительности и самоотверженности лис в защите своего потомства я воочию убедился еще в отрочестве. Пошли мы майской порою с другом на рыбалку с ночевой. И «напросился» к нам в попутчики бесхозный беспородный пес по кличке Полкан. Молодой, но уже крупный, долгоногий, с крепким костяком, туго затянутым в кожу. В охоте еще ничего не понимающий. Ночью он вместе с нами дремал у костра, заинтересованно прислушиваясь кочной разноголосице, доносящейся с широких безлюдных лугов, пересеченных речками, озерами и лесистыми релками. А на рассвете Полкан исчез в неизвестном направлении с неведомыми целями. Однако нам было не до этой самоволки: снасти с обильным уловом требовали нашего энергичного внимания, да еще утки метались над нашими головами.

Но когда мы принялись за наваристую уху из наисвежайшей рыбы у жарко пыхавшего костра, до нас донеслись,

приглушенные расстоянием, азартный собачий брёх и отчаянно хрюпные лисьи вскрики, я, схватив дробовик, помчался на эти голоса. Забравшись на дуб, увидел, как с залившимися лаем наш пес гонялся за лисицей. Он шуганул ее в осиновый остров, но вскоре вернулся и помчался в лесистую релку. И залился там другим лаем — редким, глухим и нетерпеливым. И не трудно было догадаться, что там лисья нора со щенками. Побежал я туда из мальчишеского любопытства да желания избавить лисят от вполне серьезной опасности. И увидел такое, что стало моим пожизненным светляком памяти.

Нору лисы вырыли на солнечном склоне релки у края леса. И так умно вырыли, что только чистая голодная собака и смогла ее отыскать, да и то, вполне возможно, не без фактора случайности. Была она в плотном окружении дубов и кустарников, однако ничуть не затенявших детскую площадку перед лазом, но при том же надежно ограждавших ее с гнездом от постороннего враждебного мира. И ручей рядом булькал, и высокий лысый мыс, удобный для сторожевого поста, бугрился неподалеку. Но несносный Полкан нашел-таки эти потайные лисьи пенаты, и в нем враз проснулся зов предков. И он тут же решил во что бы то ни стало добраться до невозможна пахучих зверенышь. К моему незаметному подходу он успел выбросить из норы приличную горку песка, и наверняка, думалось ему, что старания близки к завершению. Но стояло мне решить, что пора взять его на поводок да вместе идти на уху, как откуда ни возьмись взметнулась лисица совсем рядом, крепко цапнула за самое большое собачье место и с пугающим взлаем застелилась частыми прыжками прочь. А Полкан с высоким от зла и боли визгом ринулся за нею.

Я поскакал на бугристый мыс, чтобы видно было мне подальше. И предстала мне такая картина. По черному от выгоревшего вейника полю проворно мелькает юркий рыжий лис, а за ним натужно пластиается наш Полкан. И было хорошо видно, что пес мчался со странным страданием, лисица же бежала не

в полную силу, расслабленно и даже лениво. И только мелькнула во мне догадка, что рыжая бестия специально заманила наивного врага на гарь для того, чтобы тот на острый огарыш проволочно жесткой травы изодрал свои голые подошвы лап, как собака завалилась на бок и стала торопливо лизать их.

А лисица с издевкой лаяла на Полкана, взбравшись на кочку в каком-нибудь десятке метров. Ей-то что, у нее, знал я, эти подошвы надежно прикрыты крепким жестким волосом, и потому ей иглы огарышей ни почем. Но погоня продолжилась. Пес и лисица промчались совсем рядом со мною и я хорошо рассмотрел Патрикеевну. Это был яростный самоотверженный зверь с широко раскрытым белозубой пастью и распавленными янтарными глазами. И бросал он короткие взгляды на врага с уничтожающим презрением; туго носился над спиной воинственно напряженный хвост. Но когда Полкан, еще раз прогнав лису до гары на одной лишь злобе, вернулся и, спешно зализав лапы, опять принял рать нору, лисица, подкравшись, тянула его под корень хвоста так сильно, что бедняга взывал от боли и с ревом кинулся на нею, забыв об окровенившихся лапах. А когда звери снова оказались на горе, я случайно увидел, как другая лиса со щенком в зубах вылезла из норы и потрусила с ним в лес. И понял я, что храбро и умело воевал с опасным злоумышленником лисовин, а его подруга теми тревожными минутами переносила своих чад в запасное гнездо. Должно быть, она управилась с последним и как-то уведомила об этом супруга, потому что тот, «положив» собаку на гарь еще раз, устремился в дубовые кущи, темнеющие в порядочном удалении от покинутого логова. А чтобы сбить преследователя со следа, вздумай он еще раз кинуться за ним, переплыл через широкую старицу.

В полуторамесячном возрасте лисята, достигнув килограммового веса, начинают ходить с родителями на охоту и осваивают ее премудрости. В это время неуемная энергия и веселье пере-

Перед выходом на охоту лисица минут 10–15 осматривает местность, прислушивается и принюхивается

Фото А. Назарова

полняют их. Они в беспрестанном движении, играх и приставаниях к родителям. И часто свои щенячьи восторги выражают визгом и лаем, выдавая семью врагам. А к октябрю они окончательно взрослеют и разбредаются в поисках собственных угодий и спутников жизни, однако родители их опекают до своей следующей свадьбы.

Чувство дома у лисиц развито слабо. Большинство помеченных отлавливается поблизости, но ни одна, выпущенная далеко от норы, вернуться на свою родину не стремилась.

Среди добывавшихся в охотсезонах лисиц сеголетков оказывалось в среднем 52 % (от 32 до 66). До годового возраста доживает не более половины — для этого зверя характерна высокая смертность и быстрое обновление популяций.

Человека лисица остерегается, но не боится, особенно когда он ее не преследует. Эти, в общем-то осторожные, звери живут не только возле сёл, но и в черте больших городов. На окраине Хабаровска я видел их неоднократно, а однажды наблюдал мышкующую лисицу в непосредственной близости от аэродрома, не обращавшую внимания на с ревом пролетающих над нею лайнеров.

В европейских же странах она удивляет еще больше. В Англии, например, лисы освоили все сельскохозяйственные земли вместе с населенными пунктами и успешно заселяют города: живут в парках, устраивают норы под складами, кормятся у свалок. Даже в центре огромного Лондона живут. И не просто живут, а и размножаются. И в Бир-

мингеме их полно. Но более того: их отлавливают и увозят прочь, а они снова возвращаются.

Но все же есть надобность сказать еще несколько слов о лисице российской. Ее биоценотические связи сложны и противоречивы. Яркие конкуренты — енот, барсук, колонок, врановые птицы, совы. Главный враг — волк. Изредка гибнет от орла и орлана, рыси и бурого медведя. В свою очередь, лисица упорно преследует всех, кого может осилить. Случается, покушается на косулю, для косуля же она враг опаснейший. В добывании корма крайне неумеренна: при возможности давит гораздо больше нужного для пропитания. Правда, скажем еще раз, излишки корма у нее не пропадают. Особенно во время выращивания прожорливого молодняка.

Если вам доведется вырастить в доме лисенка, вы легко убедитесь, что зверь этот психически высокоразвит, и даже умен. Он легко приручается, забавен и мил. Ест же все, что ест обыкновенный щенок собаки. Обожает мясо и рыбу, и они ему для роста и развития необходимы. К ухаживающему за ним привязывается, как и собака. Дружит с кошками, псами, свиньями, и даже призывает их поиграть. Одно плохо: ну никак не может он спокойно смотреть на кур, уток и гусей, и неудержимая сила охотничьих генов рано или поздно приводит к неприятностям.

Но не нужно брать лисенка из его дома в свой, ибо настанет время, когда вам обязательно придется с ним расстаться: повзрослевший лис никогда не

станет таким ручным, как собака. Другое дело, когда лисенок по какому-нибудь несчастью осиротеет, а без вашего участия может погибнуть.

Набор цветных плакатов для коллективов охотников и охотхозяйств
Выпущены под редакцией
Центрального совета ВОО
Подробности и заказ на сайте:
www.mchshofata.ru

ООО «СибАрис»
Закупаем
лом рога
северного оленя,
рог лося и рог марала
(недекоративный материал)

Адрес: 644010, г. Омск
Ул. Куйбышева, 134/1, 24
Тел. 8(3812) 31-15-27, 30-67-11
Моб. 8 913 974 06 21
e_w_company@yahoo.com

ОЛДО ЛЕОПОЛЬД — ВЕЛИКИЙ ЭКОЛОГ, ОХОТОВЕД И ОХОТНИК

Как часто желаемое выдается за действительное! Даже если ради этого приходиться жертвовать истиной. Директор Киевского эколого-культурного центра Владимир Борейко на дух не переносит охоту, а охотников считает «слепыми следователями инстинктов». И пишет на эту тему, и пишет, вербую сторонников. Но как быть в случаях, когда известный «природоохраник» (выражение Борейко) балуется ружьишком? И более того — известен как заслуженный охотовед? Зажмурить один глаз, и писать, что чудится открытому. Так было в случае с Феликсом Штильмарком, в котором — заслуженно — Борейко видит ревнителя абсолютной заповедности. И не замечает второй ипостаси нашего коллеги, охотоведческой. В превосходной посмертной книге Феликса Робертовича «Отчет о прожитом» есть подзаголовок: «записки эколога-охотоведа». А в книге приведены впечатляющие охотничьи сюжеты и содержится хвала охоте как величайшей благороднейшей страсти.

Но дошла очередь и до великого Олдо Леопольда. Как не взять в союзники такого человека! Стоит зажмурить один глаз и... Что тогда получится, вы увидите сами, сравнив отрывки из двух книг.

Отрывок из книги Владимира Борейко «История охраны дикой природы в США», глава: «Экологическая этика Олдо Леопольда» (Киев, 2008). Наш читатель наверняка заинтересуется личностью крупного американского ученого и общественного деятеля.

Итак глава: «Талант попадает в цели, в которые простые люди попасть не могут. А гений попадает в цели, которые простые люди не видят.

Фигура Олдо Леопольда (1887—1948) занимает особое положение в истории охраны дикой природы США.

Олдо Леопольд — известный американский природоохраник (!—В.Д.), ученый-эколог, писатель, президент Экологического общества США, один из основателей Общества дикой природы. Родился в штате Айова, закончил Йельский университет. Всемирную известность получил как защитник дикой природы и один из основателей экологической этики. Его книга «Календарь песчаного графства» считается в США Библией природоохранных движений.

Интересно, что при жизни Леопольда эта книга так и не была выпущена: издатели посчитали ее неинтересной. Гениальность Олдо Леопольда заключалась в том, что он расширил понятие этики природы на животных, растения и дикую природу.

«Перестаньте, — писал О. Леопольд, — считать бережное обращение с землей чисто экономической проблемой. Рассматривая каждый вопрос, ищите не только то, что экономически выгодно, но и то, что хорошо этически и эстетически (...). Я не представляю себе, что этическое отношение к земле может существовать без любви и уважения к ней, без благоговения перед ее ценностью. Я говорю здесь, разумеется, не об экономической ценности, но ценности ее в философском смысле».

О. Леопольд одним из первых указал на необходимость охраны не только самой дикой природы, но и ее свободы. По мнению О. Леопольда, «вещь правильна, когда у нее есть тенденция сохранять целостность, стабильность и красоту биологического сообщества. Она неправильна, когда имеет обратную тенденцию».

Разработанные ученым и философом азы экологической этики значительно обогатили идеологию и практику американского природоохранных движения. Экологическая этика вскоре стала важнейшим подспорьем в защите дикой природы. С 1979 г. в США начал издаваться первый в мире журнал по экологической этике, а на 1987 год библиографический список англо-американской литературы по экологической этике составлял уже 3200 наименований. Сейчас ее преподают во многих университетах и колледжах США.

Все более или менее верно. Спасибо В. Борейко, эта информация окажется полезной для наших читателей. Но это то, что увидел один глаз. А второй?

Перед нами упоминавшаяся книга Олдо Леопольда «Календарь песчаного графства» («Мир», 1980). Научный редактор — ученым с мировым именем профессор А.Г. Банников. Что же увидел его глаз, вернее — глаза? Приводим некоторые отрывки из предисловия к книге.

«Вдумчивый и тонкий наблюдатель, страстный охотник (курсив мой. — В.Д.), влюбленный в родную природу, О. Леопольд быстро включился в ряды активных борцов за охрану природы... О. Леопольд опубликовал ряд работ, в которых обосновывал нормы изъятия из популяций копытных различных возрастных и половых групп, экологическую необходимость охраны хищных птиц и зверей, а также коснулся частных вопросов ведения охотничьего хозяйства и охраны дикой природы... В 1929 году Леопольд впервые в истории науки стал читать в Висконсинском уни-

верситете специальный курс лекций по охране дичи, а в 1933 году создал кафедру охотоведения, став, таким образом, основоположником охотоведения как науки».

А.Г. Банников упоминает также, что перу О. Леопольда принадлежит фундаментальный труд «Управление дичью». «Книга эта пронизана идеей о необходимости управлять популяциями диких животных путем воздействия на их структуру и среду обитания, то есть основной экологической идеей сегодняшнего дня». Добавим, что в 1937 году под редакцией Леопольда начал издаваться один из основных охотоведческих журналов мира «Wildlife management».

Да, вот что можно увидеть, приоткрыв второй глаз. Или сознательно не закрывая его, помня о заветах экологической (и общей) этики. Из биографии О. Леопольда наш киевский «природоохраник» В. Борейко сознательно выбросил все, что относится к охотоведению и охоте. Не соответствует!..

В книге «Календарь песчаного графства» много выразительных сюжетов, связанных с дикой природой, дикими животными, с охотой. Автор был обеспокоен излишней техн全社会, не нужной рекламой охоты, попытками искусственного разведения дичи. У него много глубоких размышлений, связанных с этикой охоты, и, быть может, наш журнал специально вернется к этой теме. И мы еще раз должны поблагодарить Владимира Евгеньевича Борейко за то, что он еще раз напомнил нам о личности прекрасного человека, великого эколога и охотника, основателя зарубежной школы охотоведения. Это принесет пользу и самому Борейко. Название одного из антиохотничьих трактатов, выпущенных этим деятелем, гласит: «Брось охоту — стань человеком» (Киев, 2005).

О. Леопольд остался великолепным охотником и героическим человеком (он погиб в 1948 году во время тушения лесного пожара на соседней ферме). Оглянитесь, Владимир Евгеньевич, ведь охотниками были и остались тысячи таких людей, как ваш (и наш) герой Олдо Леопольд. Неприлична ваша попытка ввести в заблуждение ваших единомышленников-антиохотников! На реалии объективным людям все-таки положено глядеть двумя открытыми глазами.

О сущности же отношения О. Леопольда к охоте говорит приводимый ниже отрывок из его книги.

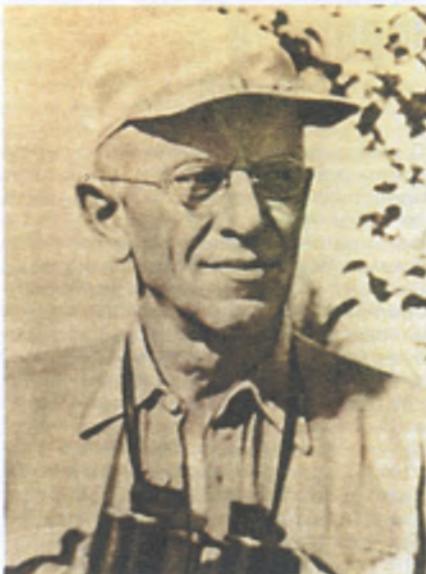
В. ДЁЖКИН

Гусиная музыка

Если дикие птицы и звери представляют собой актив в жизни нашего общества, насколько этот актив важен? Можно, конечно, сослаться на то, что некоторые из нас, страдающие наследственной охотничьей лихорадкой, неспособны без них получать от жизни полное удовлетворение, но это не критерий их сравнительной ценности, а в наши дни мы нередко вынуждены делать выбор между необходимым и не необходимым. Короче говоря, чего стоит дикий гусь? У меня хранится билет на симфонический концерт. Он стоил дорого. Но доллары были истрачены не напрасно. И все-таки я отказался бы пойти на этот прекрасный концерт ради того, чтобы увидеть крупного гусака, который сегодня утром, на рассвете спустился к моим приманкам. Холодно было зверски, руки у меня закоченели, и я блаженно по нему промазал. Но какое это имеет значение! Я видел его, слышал, как ветер свистел в его крыльях, когда он с гоготом возник из серости западного неба, и я ощущал его с такой полнотой, что и сейчас еще испытываю восторг при одном воспоминании. Я убежден, что этот же гусак принес десятку других людей не меньше радости, чем симфонический концерт.

Из моих записей следует, что за эту осень я видел тысячу гусей. Каждый из них на протяжении своего эпического путешествия из арктической тундры до Мексиканского залива, вероятно, не один раз давал людям радость, эквивалентную той, которую может дать платное развлечение. Какая-нибудь стая, например, могла зачаровать компанию младшеклассников, и они помчались домой рассказывать, какое им выпало приключение. Другая, пролетая в темных ночных небесах, одарила гусиной музыкой целый город, и пробудила кто знает какие мечты, воспоминания и надежды. При виде третьей фермер остановился на пашне, и мысли о дальних странах, путешествиях, людяхкрасили бездумное однообразие его труда. Я убежден, что эти гуси выплачивают людям дивиденды прекрасных чувств. Стоимость в долларах — это только обменная стоимость, вроде продажной цены картины или гонорара за стихи. Но заменяет ли стоимость предмета самый предмет? Что, если больше не будет ни картин, ни стихов, ни гусиной музыки? Страшный вопрос, и все-таки на него необходимо ответить. В крайнем случае кто-то мог бы создать другую «Илиаду» или написать еще один «Ангелюс»*, но кто может сотворить гуся?

Не кощунство ли взвешивать гусиную музыку и искусство на одних весах? Думаю, что нет: ведь истинный охотник — это созидающий художник. Кто на-

Олдо Леопольд. 1887—1948 г.

царапал первую картину на кости во французских пещерах? Охотник. Кто единственный в нашей современной жизни испытывает такой восторг при виде живой красоты, что готов терпеть голод,ажды и холод, лишь бы напитать ею свои глаза? Охотник. Кто создал великую охотничью поэму о дивности ветра, града и снега, звезд, молний и облаков, львов, ланей и диких коз, воронов, ястребов и орлов, а главное — восторженную хвалу лошади? Иов, один из самых страстных художников всех времен. Поэты поют, а охотники взираются на горы, в сущности, по одной и той же причине — ради упоения красотой. Критики пишут, а охотники состязаются в ловкости со своей дичью, в сущности, по одной и той же причине — чтобы овладеть красотой. Различия сводятся главным образом к степени, к осознанности и к тому, что мы называем языком, — этому лукавому арбитру, классифицирующему человеческую деятельность по родам. Значит, если мы способны жить без гусиной музыки, с тем же успехом мы можем покончить со звездами, закатами и «Илиадами». Но суть в том, что мы были бы глупцами, если бы покончили с ними.

Как воздействуют охота и рыбная ловля на характер в сравнении с другими видами спорта? Я уже говорил, что любовь к ним заложена очень глубоко, что речь тут идет не только о духе соревно-

вания, но и об инстинкте. Сын Робинзона Крузо, никогда в жизни не видевший теннисной ракетки, прекрасно обошелся бы без нее, но он безусловно начал бы охотиться и ловить рыбу, учили его этому или нет. Однако это еще не доказывает, что одно полезнее другого. Что больше способствует закалке характера? Об этом можно спорить без конца, как спорили мы на школьных диспутах, кто учится лучше, мальчики или девочки. Я не берусь дать ответа. Но на две особенности охоты все-таки следует указать. Во-первых, этика честной игры не занесена ни в какие кодексы и каждый человек должен сам ее сформулировать и следовать ей, не имея другого суды, кроме совести. Во-вторых, охота подразумевает тесное общение с собаками и лошадьми, а отсутствие этого общения составляет один из наиболее серьезных недостатков нашей бензинной цивилизации. Старинное присловье, что человек, ничего не понимающий в собаках и лошадях, не может быть истинным джентльменом, несет в себе зерно истины. На американском Западе скверное обращение с лошадью по-прежнему влечет за собой всеобщий бойкот. Этот критерий проверки существовал в скотоводческих краях задолго до того, как были придуманы всяческие «характерологические тесты», и, наверное, переживает их.

Однако всегда бессмысленно доказывать, что одно хорошее лучше другого хорошего. А важно то, что от шести до восьми миллионов американцев любят охотиться и ловить рыбу, что охотничьи лихорадка у них в крови и что любой побудительный мотив для общения с природой полезен для всего общества, а уничтожение побудительного мотива в данном случае наносит обществу ущерб. Следовательно, борьба за сохранение дикой природы является общественным делом.

И в заключение: я болен наследственной охотничьей лихорадкой, и у меня есть три сына. Еще совсем малышами они играли с моими подсадными утками и рыскали по пустырям с деревянными ружьями. Я надеюсь, что оставлю им в наследство крепкое здоровье, образование, а может быть, и некоторый материальный достаток. Но зачем все это будет нужно, если среди холмов не останется оленей, а в кустах — перепелов? Если в лугах не будут свистеть бекасы, на ночном болоте не будут попискивать свиязи и бормотать чирки, а когда утренняя звезда померкнет на восстоке, в воздухе не просвистят быстрые крылья? Предрассветный ветер зашелестит в старых тополях, серый свет скользнет с холмов к реке, бесшумно бегущей между широких бурых отмелей, — но что, если больше не зазвучит гусиная музыка?

Олдо ЛЕОПОЛЬД

* Картина французского художника Жана Франсуа Милле (1814—1875). Сын крестьянина, Милле в «Анжелюсе» и ряде других полотен с глубоким сочувствием и реализмом рассказывал о нелегком крестьянском труде и стремился к поэтически воплотить мысль о неразрывной связи человека и природы. — Прим. перев.

Советы бывалых охотников

Грузди да боровики

Дмитрий ЖИТЕНЁВ.
Фото автора

Если даже идёшь по лесу просто так, разве пройдешь без внимания мимо жёлтенькой сыройки? А если на глаза попался красноголовик-подосиновик или (о счастье!) боровичок, то радости нет предела. Поэтому «остановлюсь» только на тех, что приходилось мне брать в количествах значимых, а не единично.

Ну, конечно, первым назову белый гриб, хотя кто-то скажет: «Как это? Белый гриб, и собирают много?! Такого быть не может!» На Печоре, где я прожил немалый срок, грибы не ищут, а приходят на место и берут столько, сколько можно утащить, сколько вместит тара. В середине семидесятых прошлого столетия в одно из жарких лет гриба уродилось столько, что просто трудно себе представить. Вот пример. Четверо жителей нашего посёлка, два мужика с женами, поехали по грибы в известное им место на автомашине ГАЗ-69А. Это, если помните, восьмимиметровый «коэзлик» с боковыми сиденьями-лавочками. Взяли, конечно, и тару, большие корзины. К вечеру они вернулись с полной машиной отборных боровиков. Набрали их так много, что пришлось складывать прямо на брезент между лавочками, а полные корзины привязали на крышу. Жёны ехали, уперев коленки в подбородок. Перебирали они грибы всю ночь. Часть, правда небольшую, пришлось выбросить, потому что грибы уже начали «гореть», запрели и нагрелись. Червивых почти не было. Сколько это получилось по весу не помню, попробуйте прикинуть сами.

Что делать с боровиками, не мне рассказывать, ибо все знают вкус маленьких маринованных боровичков, грибной суп и грибную икру из сушёных.

Там, на Печоре, я впервые узнал, что можно собирать и мороженые грибы.

Однажды поздней осенью, когда уже по ночам замораживало, а днём снежок пролётивал, я отправился в лес вместе со своей добытчицей-лайкой Айкой в надежде разжиться глухарем или рябчиками. Морозило уже несколько дней. В самом начале своего маршрута я набрёл на полянку в бору-беломошнике, сплошь уставленную боровиками. Они были мёрзлые! Словно булыжнички, величиной чуть больше кулака, они стояли друг от друга в двух-трёх метрах. Можно было собрать, почти не сходя с места, не одно ведро, а со всей полянки и того больше. Тут Айка залаяла по глухарю. Я побежал добывать своего глухаря. Добыл, конечно. На следующий день рассказал соседу, что нашёл полянку с мёрзлыми боровиками. Он удивился, почему я их не собрал. Ведь и нести их было бы сподручнее — не помялись бы. «А то, что мёрзлые, это еруда, — сказал он. — Оттаяли бы — и мариновать можно. Наверняка, ни одного червивого!»

Если белый гриб по праву занимает высшую ступень на грибной иерархической лестнице, то на одну ниже разместится, конечно, груздь. В Сибири его называют правским грибом, то есть настоящим, истинным, правильным. Это, пожалуй, лучший гриб для засолки. Не уступает ему только рыжик, его младший брат.

Ещё в детстве, на Алтае, я ходил по грузди в ленточный бор, около которого мы жили. Ходили мы, понятно, большой компанией вместе со взрослыми, а когда и одни ребяташки. Навсегда запомнилась песчаная дорога, на которую змеями выползали узловатые сосновые корни. Словно огромные червики, её пересекали кротовины. Почему-то надо было обязательно вдавить босой пяткой мягкую приподнятую кротом землю.

Бор просматривался далеко, но грузди надо было искать. Они словно прятались под прошлогодней хвойей и сухими сосновыми шишками. Под любым бугорком мог быть груздь. Если же увидел издалека светлую вогнутую шляпку, ищи рядом ещё. «Грузди в одиночку не живут», — говорили тогда бывалые грибники. А запах! Казалось, что раз понюхав груздь, найдёшь его только по запаху, как собака дичь. Пальцы чуть липнут к слегка влажной шляпке с бахромчатым краем и потом долго пахнут груздем. Груздь настоящий называют ещё сырьим.

Много настоящего груздя и на Печоре. Однако самые массовые грибы, что берут местные жители, это путники. Так называют серушку и рядовки, серую и фиолетовую. Серая встречается чаще. Первый их слой приходится на начало осени, а собирать путники можно до морозов. Размеры их невелики, примерно со средний рыжик, но растут они во множестве, рядами или ведьминими кругами. Зачастую их приходится выкапывать из-под земли. Такие потом надо отмывать от песка и лесного сора. Скопище грибов в одном месте старики называют «мост». Солёные путники бесподобны по вкусу.

Однако рыжик, сосновый или еловый, стоит всё же выше путников. Считается, что он занимает третье место после белого гриба и настоящего груздя. Рыжики бывают красные (сосновые) и темно-зелёные (еловые). Первые встречаются чаще, мякоть у них плотнее, они не так хрупки в засолке, как еловые, и остаются такими же яркими, рыжими, какими были в лесу. На Урале раньше рыжики солили прямо в лесу в бочатах, пропаренных с можжевельником. Рыжики при этом не мыли, не ополаскивали даже, а только протирали льняным полотенцем. Понятно, почему так они ценились у гурманов — запах сохранялся лесной, смолёвой, рыжиковый.

Конечно, собирают все грибы, которые считаются съедобными. Однако на Верхней Печоре коренные жители брезгуют даже крепкими подберезовиками, маслятами, не говоря уже о сыройки и каких-нибудь валуях. Белые, грузди, путники и рыжики — вот грибы достойные, а всё остальное так себе. Правда, берут и подосиновики, но только для приготовления грибовницы, грибного супа. Грибы мелко секут сечкой в капустном корытце и варят, заправив суп картошкой, морковкой да мелко порезанной луковицей, а когда подают на стол, подливают в тарелку молоко или сметану.

Кстати, на Верхней Печоре говорят не

Боровики в припечорских борах-беломошниках растут плотными «семьями»

грибы, а губы. Пошли губы ломать! Это значит, пошли грибы собирать. Опять же очень точно подмечено, как надо брать грибы — срезать или выламывать. Именно ломать, слегка выкрутивая, выламывать. При таком способе сбора грибница, подземная часть гриба, мицелий, повреждается гораздо меньше. Считается, что при срезке остаток плодового тела, что мы называем собственно грибом, загнивая, портит и грибницу. Так что грибы-то надо ломать! Губником на Печоре называют мужика, который охоч до собирания грибов, а губнице — женщину. Губник — также пирог с грибами, а губница — грибной суп.

Как заготовить грибы впрок? Только тремя способами — сушкой, солением и маринованием. Опытные грибники всё это знают прекрасно, и у каждого, конечно, есть свои собственные приёмы консервирования. Хочу только заметить, что лучшие сушёные грибы — это белые, которые при сушке не чернеют, как остальные. Сушить грибы можно целыми, но делать это лучше всего в русской печи. Именно с её помощью можно получить продукт высшего качества. Надо только следить, чтобы грибы не подгорели, а печь должна слегка проветриваться, чтобы уходила влага. Для этого в заслонке делают отверстия или просто слегка отдвигают её. Очень важно грибы не пересушить, а то они могут превратиться в порошок.

Белые грибы часто режут на тонкие пластинки, чтобы быстрее их высушить. Однако неумехи режут попёрок, а надо вдоль — от нижней части ножки

Монография об истории Русской псовой охоты

общим объёмом в 40.

В монографии впервые предпринята попытка подробного текстологического анализа указанных литературных памятников, в результате которого однозначно делается вывод об оригинальности всех трёх памятников, отразивших в себе опыт, накопленный русскими псовыми охотниками XVIII века. А их приписка перу, соответственно, немца и поляка является не более чем литературной мистификацией.

Наряду с текстологическим разбором этих главных литературных памятников помещичьей псовой охоты XVIII века, которые без всяского преувеличения можно назвать «Ветхим Заветом», в монографии впервые, на основе многочисленных документальных источников, прослежена сама история возникновения этой охоты. От самых первых её истоков, начинаяющихся в княжеско-боярской охоте XIV—XV веков, до подлинного расцвета к рубежу XVIII—XIX веков.

До сих пор эти литературные памятники и сама история помещичьей псовой охоты XVIII столетия ни разу не становились объектами серьёзного научно-исторического исследования.

В Петербургском издательстве «Дмитрий Буланин» в ноябре 2008 года выходит в свет научная монография О.А. Егорова «Очерк истории Русской псовой охоты. XV—XVIII вв.»

к шляпке, которую от ножки отрезать не следует.

Бывает, что грибы попадаются и червивые слегка, но на вид хорошие. Выбрасывать такие жалко. Очистите их, нарежьте и залейте немного подсоленной водой. Личинки грибной мухи повалезают и всплывут.

Солят грибы, практически только пластичные, двумя способами — холодным и горячим. При холодном грибы чистят, промывают и затем вымачивают. Грузди — от 3 до 5 дней, подгруздки оставляют в воде на 2—3 дня, а рыжики, для сохранения аромата, не вымачивают вовсе. На Верхней Печоре и грузди и путники вымачивают значительно дольше, дней десять. Если обычно рекомендуют часто сменять воду, то печорцы меняют её не более двух раз. Считается, что если воду не менять, то грибы закиснут. Это абсолютно верно, но именно этого и добиваются печорские засольщики. Считаю, что такой солёный гриб «с душком», как и рыба, имеет особый вкус и аромат.

Горячим способом солят больше те грибы, у которых мякоть легко ломается — сырёежки, волнушки, белянки, зеленушки. Грибы бланшируют (отваривают) в слегка подсоленной воде короткое время, от 5—10 минут (грузди и подгруздки) с момента закипания до получаса (свинушки, опята). Рыжики достаточно просто обдать 2—3 раза кипятком. При холодной засолке рыжики темнеют (и сосновые, и еловые), а бланшированные сохраняют яркость окраски.

Удачи вам, грибники! Ни сырёежки, ни боровика!

Сбор грибов идёт попутно с охотой

весть какими собаками, и ездой как Бог на душу положит» до комплектной псовой охоты конца XVIII века — строго структурированной, идеально выстроенной, с чётко прописанными должностными обязанностями каждого её участника.

История помещичьей псовой охоты была бы неполной без пристального взгляда на главных её участников — борзых и гончих собак. В монографии впервые прослежена история возникновения в России этих двух специализированных породных групп охотничьих собак, от ловчих собак Древней Руси до национальных пород, ставших не просто гордостью, но и символом всего русского собаководства: Русской псовой борзой и Русской гончей.

Книга рассчитана на историков и самый широкий круг всех, кто интересуется историей русской усадебной жизни, историей русской охоты и отечественного собаководства.

В виду того, что указанная научная монография выходит весьма ограниченным тиражом, желающие могут заказать её прямо в издательстве: 197198, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н. E-mail: dbulanin@bk.ru (офис), sales@dbulanin.ru (отдел реализации), postbook@dbulanin.ru (книга — почтой), <http://www.dbulanin.ru>

Жатаска первопольной легавой собаки

Ирина ВАСНЕЦОВА

Решив завести собаку, я знала, что буду заниматься с ней сама. Одни меня отговаривали, ссылаясь на отсутствие опыта. Другие говорили, что смелость моя похвальна, что одну — двух собак я испорчу, а потом научусь натаскивать.

Дело в том, что, мечтая с детства об охотничьей собаке, я ни разу в жизни не видела ее в работе. Больше того, и на охоте я ни разу не была. Все это снилось мне во сне, об этом я читала все, что могла раздобыть. Только прочитав Яблонского и Иващенцева, я почувствовала уверенность в своих возможностях и, к счастью, не ошиблась. Я очень старалась, и собака досталась мне умная и способная. Мы друг друга учили. Это такое наслаждение!

Безусловно, ряд ошибок мною был допущен, но я могу смело считать Маху отнюдь не испорченной.

Прежде всего, я взяла за правило ежедневно 15—20 минут, а то и больше, уделять собаке. Никаких «некогда» не существует.

Абсолютная честность и правдивость в отношениях с собакой. Если я говорю, что пойду с нею гулять, то уж иду, если обещаю накормить, то кормлю и т.п., никогда я не пытаюсь показать своим знакомым, как умна моя собака, как много слов она знает, если в данный момент с ней заниматься не нужно. Мне кажется, что, обманув собаку раз или больше, можно потерять ее доверие. А хозяин должен быть для нее непогрешимым, справедливым, в меру строгим и ласковым. Все счастье жизни она должна узнавать только через хозяина. Поэтому, собака больше любит не того, кто ее кормит, а того, кто с ней гуляет и, впоследствии, занимается. Можно вполне сказать, что собака жива не хлебом единственным.

Если я от собаки чего-то требовала, то требовала до конца. Например: если Маха отказывалась наотрез взять в рот какой-либо предмет и подать мне после многих попыток все-таки заставить ее это сделать, я вкладывала ей в рот этот предмет и, если надо, придерживала так нужное время. Таким образом, насилием заставив собаку послушаться я прекращала занятия. Если я видела, что мое требование может остаться невыполненным, я отказывалась от него, не давая повода собаке проявить непослушание.

Команда «Ко мне» и свисток — святыни. Никогда никаких наказаний подошедшей на зов собаке я не допускала, как бы она не провинилась. Только ласка, только лакомство. Значительно позже были единичные случаи отступления от этого правила. Но это возможно, когда собака уже имеет некоторый опыт и,

в общем, дисциплинирована. Вот что случилось у меня с первопольной Томочкой (сеттером). Томочка уже знала болотную дичь, делала стойки. Попав неожиданно в стайку серых куропаток, с восторгом их всех разогнала. С трудом подозвав ее, я заставила ее лечь, пять раз сильно стегнула плеткой и сразу же пустила в поиск в ту самую стайку. Разогнанных птиц Томочка отработала четко по одной. Вероятно, наказание поняла вполне правило.

Всерьез заниматься с собакой я начала не рано, а именно зимой, когда

Чайке (она же Маха) исполнилось 7 месяцев. До этих пор я только обучила ее минимальной дисциплине дома: подзываю «ко мне», командам «на место», «нельзя», «лежать» и «назад». Кроме того, она безотказно подавала палку и любой другой предмет, который я ей бросала или указывала. В первое лето, когда Чайке было от 3-х до 6 месяцев (все это время мы жили вне города), я представила ей свободу. Брали с собой в лес, в поле, следила лишь за тем, чтобы она не скрывалась с глаз и была бы послушна. На прогулках, в игре прово-

дила небольшие по времени и нагрузке занятия по укладыванию и подзыву голосом, свистом и жестом. Вот и все. В это же самое время я отучила свою воспитанницу подбирать с земли. Делала я это так. Направлялась на место, где на берегу озера развлекаются москвики и там изобилие таких лакомств, как селедочные головы, остатки воблы и пр. Собаку я брала на длинный шнур, который пускала волочиться, чтобы она не чувствовала себя привязанной. Как только она хватала лакомство, а делала она это обязательно, я с возгласом «нельзя!» сильно ударяла ее плеткой один раз. Таких уроков мне пришлось провести много, раз 20—30, не меньше. В неповиновении здесь она оказывалась довольно упрямой. Мне кажется, что в подобном случае действовать плеткой необходимо и сразу, чтобы собака поняла, что вы решительно против того, чтобы она так угощалась.

Теперь расскажу о технической стороне дела. Все детство Махи прошло в спокойной обстановке. На нее не кричали, не дергали ее частыми требованиями, кормили строго по часам. Прогулок было много, но нигде и никогда она не гуляла одна или с чужими людьми. И это должно быть правилом. Как приучить щенка приходить на зов, все знают. Зов — и лакомство. Вот и все. Если в течение первого года жизни собаки всегда иметь при себе лакомство, подходит она станет безотказно. Бывает, правда, что никакими силами, никаким лакомством нельзя оторвать питомца от интересующего его предмета или запаха. В случае если это начнет повторяться, надо провести серию занятий на шнурке. Выдя во двор, позовите собаку. Раз, два, три и т.д. подряд, пока ей не надоест. Вот тут и надо пустить в ход шнурок: зов — не идет. Тут же собаку надо подтащить к себе, резко ее дернуть, а, подтащив, прислать и дать лакомство. Применять этот прием надо до тех пор, пока подход не станет безотказным и без шнурка. Мне пришлось проделать это только в начале натаски в угодьях, а до этих пор все было благополучно.

Следующая команда «нельзя» (или тубо, или фу, кто как хочет). Маха в детстве очень любила закусить и на зов к миске являлась молниеносно, но тут-то и ждала ее неприятность — легонький щелчок по носу с командой запрета и путь к миске, прегражденный моей рукой. Во второй раз рука уже была не нужна, хватило команды. И так не только с миской, но и с положенными на пол кусочками, которые она находила как бы случайно. Так она научилась не брать и дома ничего съедобного без разрешения. И тут же я провела предварительные занятия по подготовке анонса. Именно: прежде, чем разрешить собаке взять еду, я подзывала ее к себе, сначала, стоя с нею рядом, потом из другой комнаты. Раза через 3—4 я перестала ее звать. Она сама мчалась ко мне с веем и лаем, везде меня находила и вела к миске. Больше я анонс не подготавливала ничем, но о нем речь впереди.

После «нельзя» — команда «лежать», или «даун», как хотите. Обеим этим командам я обучала Маху одновременно. Впервые 2—3 раза, командуя, я укладывала собаку насильно, потом она ложилась сама и обязательно получала лакомство. Потом вместе с командой — жест, потом — укладывание жестом и голосом на расстоянии. Все это элементарно просто со щенком, да и с молодой собакой тоже. Настоящие трудности начинаются только тогда, когда у собаки просыпается охотничья страсть. По-моему, из всех команд особо важны необходимые две: «ко мне» и «лежать». Это — основа всей натаски.

Обучать Маху хождению рядом я начала уже весной, на даче. Это делала с плеткой в правой руке и старалась без поводка. В общем, не трудно. Однако на натянутом поводке она всегда тянула. Теперь команда «подай», которая является непосредственным переходом к натаске. По крайней мере, так строила работу я. Собака охотно играет с любыми предметами. Если ей бросить мячик или палку, она охотно бежит за брошенным предметом, хватает и несет к хозяину. Чтобы поиграть с Махой, мне только оставалось говорить, бросая что-либо: «подай». Если предмет был металлическим или стеклянным, его нести она не хотела. Пришлось несколько раз насищенно вкладывать неприятный предмет ей в рот и придержать, приговаривая, что она молодец, умница, что именно это мне и нужно. Скоро она стала подавать все, иногда, лишь, с меньшей охотой. Бывает, что собака охотно бежит за брошенным предметом, а, добежав, теряется к нему интерес и отходит в сторону, не беря его. Тогда надо подойти к нему, вложить его в рот собаке и, придерживая морду рукой, довести пса за ошейник туда, куда он должен принести поноску сам. Это должно дать результат. Мне, правда, делать это не пришлось. Маха не отказывалась от подобных развлечений.

Я считаю, что команда «подай» — переходная, потому что бросая палку, этим броском указываю направление, куда бежать. Маха бежала и подавала палочку. Потом я пару раз клала палочку заранее и просто указывала, куда бежать. Вообще-то, это было уже не нужно. Она все поняла и бежала, куда указывала моя рука. Это как бы укрепляло врожденный членок.

Попусту много бегать ни одна уважающая себя собака не станет. Пора было переходить к натаске. Мой первый опыт убедил меня, что лучшее место — это болото с бекасом. Собака, натасканная по бекасу, работает по любой дичи и в любых условиях. Бекас — птица сторожка, собака чувствует, на каком расстоянии надо остановиться, чтобы он не сорвался. Дупель подпускает ближе, тетерев пахнет сильнее. У всех собак, с которыми мне довелось охотиться, наибольшее количество дальних работ пришлось на бекаса. Итак, прежде, чем переходить к работе по птице, я решила разработать с Махой членок. С июня я с Махой жила в деревне Новой, где

было болотце. Она уже была знакома с природой, с лесом, травой, бабочками. В первые 2—3 дня я проводила на полянке обычные занятия по подзыву, укладыванию, апортированию палки. Не долго, всего минут по 20. Затем решила приступить к разработке членочно-го поиска. На занятия я всегда вела собаку на поводке. Придя на место, укладывала ее и приступала к работе. В ветреный денек, уложила собаку носом к ветру, сама же пошла вправо. Через несколько шагов, махнув рукой в направлении своего хода, скомандовала: «вперед». И жест и команда для Махи не были новыми, к тому же я уходила, она кинулась бежать, куда указали и дальше, что и было нужно. Дала ей отойти порядочно, шагов 70, а сама сделала несколько шагов вперед на ветер и крикнула: «назад». Маха обернулась, а я уже бегу от нее, влево. Она тут же повернула и бросилась за мной, а потом и дальше. Так гладко шли у нас занятия раза два минут по 5—10. Потом ей надоело без толку бегать, она уткнулась носом в землю, несмотря на ветерок, и поняла, что ей нужен какой-то стимул, чтобы не бежать бессмысленно. Я решилась вести ее к бекасам. У ноги привела к болотцу, уложила против ветра, сама побежала вправо несколько шагов. Словом, все, как при разработке поиска. Когда же от нашего шума поднялась пара бекасов на глазах у Махи, я уложила ее, а потом подвела к сидке и дала вдоволь обнюхивать ее, все время оглаживая и говоря, что она умница. Если к первому взлету птиц собака отнеслась, примерно, как к взлету бабочки, то второй взлет встrevожил ее несравненно больше. Она по команде легла с трудом, а когда я пустила ее к сидке, пошла туда на корточках. Кстати, таким обнюхиванием сидок злоупотреблять не стоит. Как только собака начала ловить запах птицы еще до ее взлета, я не разрешала ей обнюхивать сидки, чтобы не приучать к копанию (приучиванию низом). Беда в том, что болотце наше было маленько, и Маха, после знакомства с запахом птицы, чуть не от дома шла полуползком, поминутно останавливаясь, так что момент первой стойки по птице прошел как-то незаметно. Так или иначе, на 5-й или 6-й выход, она уже работала. Сначала это было нечетко, как-то испуганно, невероятно осторожно, и все равно иногда стурировала птицу. Но она знала, зачем ходит на болото.

Во время этих занятий я не снимала с Махи чок-корд и молниеносно укладывала ее при взлете птицы. Но по-настоящему чок-корд мне понадобилась уже позже, когда мы снова вернулись к членку. Беда в том, что при первом же знакомстве с дичью членок исчез. Маха на животе ползала по болоту, даже и без набродов, если же ветер сообщал ей о птице, она застыла невероятно комичным крючком с вытаращенными глазами. При каждой ее остановке я подходила и тихо посыпалась ей вперед. Если она не двигалась, я делала шаг вперед нее, и она тут же сдвигалась с места. Так

у нее выработалась подводка, которая сама собой оказалась плавной и умело быстрой. С первого же выхода на болото Маха перестала обращать внимание на кусочек лакомства, даже выплевывала его, если из вежливости брала в рот. Отныне моим оружием осталось лишь ее доверие, поощрение голосом и, изредка, плетка. Но об этом речь впереди. Доверие ее было настолько безоговорочно, что однажды произошел такой комичный случай. Это было в конце первого поля, уже она знала выстрел и, увы, подачу. Я поехала к мужу, чтобы показать ее. Мы вышли на живнёве, где не было не то что дичи, даже и букашек не было. Я уложила Маху против ветра, скомандовала: «вперед» и жестом послала ее на параллель. Она побежала бодро и, вдруг, встала. Четко встала на стойку. По команде стала подводить. Оказалось, она на глазок стала по кирпичу — единственному заметному предмету во всем поле. Она была уверена, что, уж если я посылаю ее в поиск, значит, дичь обязана быть. А раз ничего нет пахучего, значит, надо работать глазами. С опытом доверие ее стало более разумным, но не пропало.

Наконец настало время шлифовки. Тут необходимо предостеречь всех начинающих натасчиков от ошибки, которую сделала я сама. Мы выходили в болото по два раза в день, и каждый раз были там не меньше 4—5 часов. Итого, 7—9 часов в день! Этого делать нельзя. Вероятно, поэтому чуть ли не месяц у Махи не было четкости в работе. Когда же мне посоветовал один опытный охотник дать ей отдохнуть денька два, а потом заниматься часа по 2—3 в день, она стала работать так, как будто имела большой опыт. Откуда взялась скорость, почти прекратились работы по памяти, а так же чрезмерное осторожничанье. Челнок она постигла, стойка ее стала твердой, подводка мягкой. Одно удовольствие! Где же мне было применять плетку? Всего один или два раза, когда Маха далеко на параллели начинала копаться и не слушала ни команды «вперед», ни подзыва, я подходила ближе, укладывала ее на расстоянии, потом подходила и наказывала плеткой. Это и были те отступления от правил, о которых я говорила. Нельзя наказывать собаку, которая по команде легла, но тут плетка, мне кажется, просто несколько приводила ее в чувство, и она вновь получала способность слышать меня и слушаться.

Ни единого раза за все время Маха не гнала птицу после взлета. Это я объясняю тем, что еще в городе зимой, когда она стояла по воробьям и они взлетали, я укладывала ее. И при взлете бекаса я тоже сразу уложила ее. Так, в этом случае, мне не понадобились ни плетка, ни чок-корда. Вообще, чок-корда нужна была мне только для исправления членока, который иногда смазывался на небольшом болотце. Я просто бегала вместе с Махой влево и вправо, лишь на более коротких параллелях, чем она, когда уже все премудрости работы непосредственно по пти-

це были постигнуты. Вероятно, это даже было излишним. Собака бы и сама вернулась к членоку в подходящих условиях. Не надо забывать, что и у меня, так же, как и у собаки, не было опыта. Я думаю теперь, что ускорить натаску можно тем, что сначала показать собаке птицу, а потом заниматься поиском.

Это надо сделать так: заранее найти птицу (либо с опытной собакой, либо вытоптать самому), привести молодую с подветренной стороны и, ведя ее на коротком шнурке коротенским членоком прямо на птицу, приговаривать: «тише,тише». Когда собака заволнуется, почувствовав запах, остановить ее, ограждая и приговаривая: «стой, стой!» через несколько раз она будет останавливаться сама. Это будет стойка. Результат тот же, но быстрее. Можно так делать даже по маленькому тетеревенку, но, как только собака начнет становиться по запаху, немедленно перейти с ней в болото. Это — дело нескольких дней, а не недель.

Разработку поиска уточнит и ускорит еще один момент: если дичь перемещается на глазах у собаки, нельзя вести собаку на эту перемещенную птицу, как это ни заманчиво. Надо или увести ее прочь, или заметить место посадки птицы и вернуться туда позднее и чуть с другой стороны. Это трудно, но необходимо. Это приучает собаку верить носу, а не глазу.

Теперь о верхнем чутье. Как развить его у собаки? Прежде всего, нужноходить только в ветреную погоду и пускать собаку только против ветра. Затем, не давать собаке с уже пробудившимся интересом к дичи обнюхивать наброды ни до, ни после взлета дичи. Разумеется, после взлета Маха желала исследовать место, где только что сидела птица, но я уводила ее оттуда. Уведу, пущу

в сторонку, а она опять туда. Даже приходилось ее ругать. И в дальнейшем я из-за этого с ней ссорилась. В этом во всем есть риск, что в конце набродов есть птица и собака стремится добраться до нее. Но пусть уж лучше спугнет птицу, чем ползает низом. В конце концов питомица моя прекрасно овладела верхним чутьем. Торопя Маху вперед, если она задерживалась в поиске, я стремилась свести к минимуму пустые стойки и потяжки и, думаю, мне это удалось.

Скажу о самой стойке. Необходимо, чтобы она была крепкой, чтобы собака самостоятельно не продвигалась (если птица сидит спокойно). Кроме того, надо, чтобы со стойки собака двигалась охотно по первому же приказанию. Мне не пришлось применять никаких искусственных приемов. Увидев, что Маха стоит, я спокойно, но незамедлительно подходила к ней и тихо командовала: «вперед!» Специальных длительных выдержек я не делала, видимо, почувствовав мягкость умной собаки. Если собака склонна сдвигаться сама, надо задержать ее чок-кордом. Если же, наоборот, стойка слишком тугая, тут дело сложнее. Один из приемов можно попробовать такой: ласково поглаживая собаку, прикрыть ей ладошкой глаза. Надеюсь, это выведет ее из состояния столбняка. Пожалуй, в подобной ситуации абсолютного рецепта нет. Мне просто повезло с псиной, настолько она была мягкая и понятливая. На стойке она ждала меня как угодно долго. Однажды, обходя канаву, я добиралась до Махи 17 минут. И собака, и птица меня дождались.

Что касается подводки, то с опытом собака начинает по-разному подводить к разной дичи. К коростелю — броском, к бекасу — плавно, к тетереву — быст-

ро и тоже по-разному. Если у собаки тенденция ко всему подводить броском, ее надо задержать, опять же, шнурком. К счастью, мне ничего этого делать не пришлось. Тут не лишнее указать, что во время натаски следует всячески избегать работу по болотной курочке. Даже коростель не так неприятен, как она. Эта дрянь никак не взлетает, горячит собаку и сердит хозяина. От ее набродов собаку надо скорее уводить. На ход я вначале не обращала внимания по неопытности, но торопила собаку при копании. Условия работы были тяжелыми. И только впервые попав на хорошее поле под Раменском, я поняла по своей же родной собачке, что такое ход!

Теперь о выстреле. Это — ответственныйнейший момент. Обычно собака прекрасно реагирует на него сразу. Не боится (за редким исключением), а даже интересуется им. Но беда в том, что выстрел волнует и горячит не только первопольную собаку, но и первопольного владельца. Стремишься быстрее забрать упавшую дичь. Бегом за ней я не бегала, но поднимать шла сразу. Когда же Маха чуть ли не первую, сбитую мной, птицу схватила и подала мне, я ее похвалила. Вот тут и началось. За упавшей птицей собака мчится сразу и подает ее мне. Вроде все очень хорошо. Однако когда мы дошли до тетеревиных выводков (на третье поле), я поняла, какое это неудобство. Кидаясь подать подранка, обезумевшая собака стуриивает весь остальной выводок. И пришло мне на третье поле вооружаться плеткой (хорошо еще, что муж с ружьем мог помочь мне). И счастье, что Маха никогда не бежала за птицей без выстрела. Я подходила к стоящей собаке, заходила чуть вперед, птица вылетала, я же, с командой «лежать», опускала на спину собаки плеткой. Удар должен быть сильным. Могу смело сказать, что на 90% мои уроки имели успех. Но уроков было много. Задним числом поняла, что надо было сначала стрелять поодаль от собаки, чтобы она привыкла к звуку выстрела, а потом уж по птице и, если птица падает, уложить собаку и дать ей полежать. Потом пустить на параллель и, когда она встанет над убитой или подранком, самому взять птицу. Если собака на параллель идти не желает, надо заметить место и на несколько минут уйти оттуда. Вернуться лучше с другой стороны. Лучше уж пусть дичь пропадет (это, кстати, почти исключено), чем портить собаку. Подавать надо ей разрешить значительно позже, и то не каждый раз. Это была основная моя ошибка и лишь контактность и необидчивость собаки дали мне возможность ее исправить. Если честно, то не на 100 %.

Теперь о переходе в лес. У нас это произошло в первое же поле, когда лист облетел, и в кустарниках была хорошая видимость. В этом мелколесье был вальдшнеп. Войдя в лесок, я пустила Маху против едва заметного ветерка. Тут мне пришлось сокращать ей поиск. Благодаря постоянному контакту с собакой, это оказалось нетрудным.

На свисток она тотчас оборачивалась и по жесту меняла направление хода. Приходилось, правда, непрерывно командовать. Работы по вальдшнепу от бекасинных отличались более близкой стойкой. И рисунок стойки был другой: как-то крючком, со сниженной головой. Так закончилось первое поле.

Второе поле началось в июле, и опять по бекасу. Не было проблем до встречи со старой собакой. Вначале Маха работала сама, не обращая на старую собаку никакого внимания. Но, однажды, она была на поводке, а Мамай нашел выводок тетеревов и стал работать. Первым делом Маха закатила скандал на весь лес, когда же ее пустили, она разогнала остатки выводка и долго не могла успокоиться. Я даже наказывать ее не стала. Просто намотала себе на ус, что, если работает одна собака, другой надо быть подальше.

Во второе поле мы охотились по одиночным тетеревам и по бекасам, а также по вальдшнепам. Осложнений никаких не было. Новости появились на третье поле. Маха попала в лес с выводками тетеревов. Сначала, до стрельбы, она работала по ним, как старая опытная собака. После первого же выстрела все пошло кувырком. Пропал членок, скорость, и без того, всегда большая, стала головокружительной, реакция на зов почти исчезла. Правда, в первый день охоты она самостоятельно анонсировала о выводке, но потом все пропало. Пришлось надеть на нее колокольчик и ориентироваться по звуку. Постепенно, недельки через две вдруг опять вернулось послушание, появился членок. Тут начались занятия по остановке ее после выстрела. К упавшей птице я разрешала ей подойти только после лежания и только шагом, и лечь около. Потом отзывала ее к себе. И тут, вдруг, Маха начала регулярно анонсировать. Если долго ее нет, свистнешь — и она прибежит со встревоженным видом, сделает около нас круг, глядя нам в глаза — и на место стойки. Мы сняли колокольчик, ибо он перестал быть нужен, да и птицу тревожить не хотелось.

Итак, после всех приключений, собака моя стала работать неутомимо, на громадной скорости и очень широко. Сокращать ей в лесу поиск я не стала, не было в этом необходимости. Чутьем пользуется и верхним и следовым, в зависимости от обстоятельств.

Итак, моя первая в жизни собака отвечает всем требованиям, которые я могу предъявить. И не надо бояться натаскивать собаку самому!

После Махи мне довелось натаскивать еще нескольких собак, но ни одна не оставила столько впечатлений, не вызвала таких переживаний, как первая. С другими были свои сложности, но я уже не была новичком. Конечно, мои познания мизерны по сравнению с познаниями профессиональных натасчиков. Поэтому всем дерзящим мой совет: дерзайте, если очень хочется, но старайтесь читать литературу.

Фото В. Животченко

Печатные работы М.Н. Смирнова

Книга содержит биографический очерк научно-производственной, педагогической и общественной деятельности М.Н. Смирнова, хронологический указатель трудов с краткой аннотацией, редакторские работы, предметно-тематический и алфавитный указатели, указатель соавторов, список диссертаций, выполненных под руководствомченого, поощрения и награды и прочее. И фактически является путеводителем по жизнедеятельностиченого.

С 1965 по 2007 гг. издано 300 работ, в том числе 10 монографий, из которых 5 написаны единолично — Косуля в Западном Забайкалье (1978), Косуля в верховьях Енисея (2000), Крупные хищные млекопитающие в центре Азии (2002), Благородный олень в Южной Сибири (ч. 1 — 2006, ч. 2 — 2007), а также 8 учебных, методических и учебно-методических пособий. Больше всего публикаций и упоминаний в публикациях о любимой косуле (65), много о других охотничьи-промышленных видах: олень благородный — 43, волк — 30, медведь бурый — 25, лось — 24, рысь — 22, кабарга — 20. Немало о других видах (по 9—17): аргали, олень северный, козел сибирский горный, кабан, росомаха, барс снежный, выдра, соболь, барсук. Дальше идут редкие и исчезающие виды (по 5—8): дзэрен, волк красный, кудан, тигр, верблюд, винторог кяхтинский. Представлены и вымершие животные (по 1—5 публикаций или упоминаний): олень гигантский, гиена пещерная, лев пещерный, мамонт, медведь пещерный, оронго, носорог шерстистый, парабубал заильский. И многие другие, включая птиц, а всего 57 видов.

Он с завидным постоянством выдает 43 года «на гора» научную продукцию. Читая «Печатные работы...», поражаешься, как много сделал Марк Николаевич в изучении вопросов охотничьи-промышленного хозяйства Южной Сибири.

Думаю, что этот труд значительно облегчил задачу будущим историкам науки, и не только им. А любой прочитавший его обогатится большим количеством информации.

В. ИГНАТЬЕВ,
кандидат биологических наук

Печатные работы профессора, доктора биологических наук Смирнова Марка Николаевича. Аннотированный список / Сост. и научн. ред. А.Н. Зырянов. — Красноярск: Сибирский федеральный ун-т: Ин-т естеств. и гуманит. наук, 2007. — 231с.

Надежда Перминова

ПЕРМИНОВА Надежда Ильинична поэт и прозаик, член Союза писателей России, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. Заболоцкого. Родилась в Маньчжурии, училась в Казахстане, живет на Вятке. Мужчины в ее семье всегда были заядлыми охотниками и рыбаками, а брат и муж охотоведами. С ними она бывала на охотах и в экспедициях, тема природы одна из основных в ее творчестве.

В перелесках, чащобах, бурьянах
Копошится веселая жизнь.
Все жильцы здесь всегда без изъянов,
Никого здесь не гложет корысть.

Равномерно, размеренно, дружно
День и ночь репетирует хор:
Им похвал и оваций не нужно,
Как не нужен им мой разговор.

Общежитие летнего толка,
Ты прими горожанку меня:
Усыпи под свою перепелку,
Разбуди, соловьями звения.

Я погляжу рубашку ромашке,
Белый гриб на сучок наколю
И какой-то зеленой букашке
На вечерней заре подпою...

Февральское солнце
Смягчает мороз:
Чуть глянет —
И вроде мороз невсерьёз.
Искрятся и светят
Мне в душу снега
Пока их не тронет,
Вернувшись, пурга.
И в старой берёзе
У нашей двери,
Как розы в морозы,
Цветут снегири.

Весна апрельского разлива
Так беззетчно говорлива,
Так беззастенчиво грязна,
Как нынешние времена.

Но вот пройдут две-три недели
И на земном омытом теле
Пробрызнет сочная трава
И почки разожмёт листва.

Как ничего и не бывало,
Природа всё начнёт сначала.
Лишь люди, к власти устремясь,
Месить всё будут ту же грязь.

Как сморщеные старички
Теплом весны пригреты,
Стоят в осиннике сморчки —
Грибные первоцветы.
А вот когда настанет срок
К зиме готовить лыжи,
Вдруг выгляднет у самых ног
Зеленый парень — рыжик!

Июль

В такое лето грозовое,
С грибным и ягодным дождем,
Случайно повстречались двое,
Чтоб по земле бродить вдвоем.
В накале молний сверкали,
Гром упывал за горизонт.
Они — что будет? — не гадали
И в их безумстве был резон:
Ведь даже шалаша не надо,
Лишь пестрый зонтик на двоих,
Воды — с ручья, с ладони — ягод,
Да чтоб не замечали их.
Покуда не остынут росы
И прячет в зарослях трава,
Все их запросы и вопросы
Не облекаются в слова.
Бомжуй, любовь!
Скитайтесь, страсти!
Зарянка, пой на ветерке
Пока идет босое счастье
Глаза в глаза,
Рука в руке.

Покосы,
откосы
и плесы —
Рассветная дымная рань...
Брусличные алые росы
Уводят меня в глухомань.
Остуится сердце в тревоге,
Когда, как описано в старь,
С нехоженой старой дороги
Взлетит
тяжеленный глухарь!
Досадно мне, как при обмане —
Осталось ружье у сосны.
Глухарь —
пономарь глухомани —
Навеял печальные сны.
Так счастье меня поманило
Да скрылось,
зависнув на миг, —
Лишь пёрышко с синим отливом
Упало на брызги бруслик.

Мы уходим от солнца.
Тени лижут дорогу,
Словно загнанных псов языки.
Был не близким наш путь,
но осталось немного,
До забытой избушки дотянем
свои рюкзаки.

Впереди будет ночь,
как прохладное озеро, чтобы
Полежать, отдохнуть,
в его прескокойной волне.
И звезда золотая высокой
доподлинной пробы
Задрожит в небесах
и сорвётся в ладони ко мне.
Я богатой не стану,
моё золото лишь до рассвета.
Будет солнце опять
и скалистой и скользкой тропа.
И в разливах цветов посреди
командорского лета
Мои крылья расправит,
как белая чайка, судьба.

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ! У Вас появилась возможность сэкономить время и деньги, мы предлагаем Вам приобрести товары минуя розничную сеть. Компания "Тетра" - оптовый продавец импортной одежды, обуви и аксессуаров для охотников, рыболовов, туристов. Товары доставленные почтой дешевле, чем в ближайшем к Вам магазине. А если магазин находится за несколько сотен километров и Вам приходится совершать все покупки во время одной поездки - разве это удобно? Товары произведены из высококачественных лицензионных материалов на современном оборудовании, в соответствии с международными стандартами качества WIT ASSESSMENT ISO 9001: 2000. Все товары сертифицированы РОСТЕСТ.

Как сделать заказ? Укажите Ваш размер, рост, количество товара, свой почтовый индекс, адрес, контактный телефон, фамилию, имя, отчество.

1. Вложите заполненный на листе бумаги заказ в конверт и отправьте по адресу: 127486, Москва, ул. Дегунинская, д.1, корп. 4, ООО "Тетра".
2. Заказы также принимаются по телефонам: (495) 487-31-41, 487-20-83 (ежедневно с 9:00 часов до 18:00 часов, 8-916-957-01-64 в субботу с 10:00 до 16:00 часов (время московское).
3. Или Вы можете направлять заказы товара на e-mail: tetra2004@mail.ru

Как оплатить заказ? Цена указана в РУБЛЯХ и включает в себя все затраты по их пересылке, кроме авиатарифа.

Вы можете оплатить Ваш заказ двумя способами:

1. **Наложенный платеж.** Вы оплачиваете заказ при получении посылки в Вашем почтовом отделении. За перевод суммы наложенного платежа Вы платите дополнительно местному отделению связи. В труднодоступных регионах, куда товар отправляется только авиатранспортом, в сумму наложенного платежа, кроме стоимости товара, включается авиатариф.
2. **Предоплата через отделение Сбербанка.**

Вы можете сделать 100% предоплату за любой товар. Для этого Вам следует заполнить стандартный бланк Сбербанка "Форма № ПД-4", аккуратно вписав в него наши реквизиты: ООО "Тетра", ИНН 7731502873, КПП 773101001, р/с 40702810300000003272 в АКБ "Ланта-Банк" (ЗАО) г. Москва, БИК 044525348, к/с 30101810400000000348, оплатить заказ в любом отделении Сбербанка и отправить квитанцию об оплате (или ее копию) в наш адрес. Мы вышлем Вашу покупку ценной посылкой после получения денег. Внимание! Любые требования сотрудников почты о какой-либо оплате при получении посылки не законны! В подобных случаях обращайтесь к начальнику почтового отделения.

Скидки за количество покупок. Каждая предварительно оплаченная Вами заявка, имеющая более одного наименования товара (модели), дает право на дополнительную скидку в размере 50 рублей на каждую единицу товара в данной заявке. Например, оформив одну заявку на 3 единицы товара сразу, Вы сможете сделать предоплату на $3 \times 50 = 150$ р. меньше. Сэкономьте и делайте предоплату на 3 и более единиц товара сразу.

Как получить заказ? Мы отправим Ваш заказ почтой. Срок доставки обычно составляет менее 30 дней. Получить посылку Вы можете в своем почтовом отделении. Во избежание недоразумений, рекомендуем Вам вскрывать оплаченную посылку на почте в присутствии почтовых работников. В случае отсутствия вложения требуйте составления акта.

Наши гарантии Гарантийный срок на товары, представленные в каталоге, 30 дней с даты получения. Вы также вправе в течение 7 дней отказаться от оплаченного товара надлежащего качества, если сохранен его товарный вид. Отправьте его в наш адрес (ценной посылкой без наложенного платежа) и мы возвратим Вам стоимость товара за исключением наших почтовых расходов.

Внимание! Цены на товар действительны до 30 октября 2008 г.

ПОЖАЛУЙСТА, НЕ ЗАКАЗЫВАЙТЕ ТОВАРОВ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ВЫ СМОЖЕТЕ ВЫКУПИТЬ!

Если Вас интересует полный ассортимент товаров, пришлите пожалуйста заявку с указанием Вашего адреса и мы вышлем в Ваш адрес каталог, в котором представлено большое количество одежды обуви, аксессуаров для охоты, рыболовства, активного отдыха.

Вы можете ознакомиться с товарами на нашем сайте WWW.HUNTLANDIA.COM

НАУШНИКИ АКТИВНЫЕ MSA SORDIN SUPREME PRO-X (ШВЕЦИЯ)

Активные наушники фирмы "Сордин" - это мировой лидер в области электронной защиты слуха и прекрасное решение для охоты и спортивной стрельбы. При стрельбе Вы не слышите звук выстрела, но прекрасно слышите все, что происходит вокруг Вас. В тире или на стэнде можно разговаривать не снимая наушники. Самые слабые шумы окружающей среды могут усиливаться примерно в 4 раза, что позволяет раньше изготавливаться к выстрелу на засидке. Регуляторы громкости расположены очень удобно и доступно. Батарейки расположены в непромокаемом боксе. Одного комплекта обычных батареек (AAA) хватает на 600 часов работы (входят в комплект). Разъем и шнур для подключения рации. Модель складная. Автоматическое выключение через 4 часа после включения или последней настройки. Гарантия на электронику 5 лет.

Цена: 8890 р.

КЕПКА С ОТВОРОТОМ Цена: 475 р.

Кепка "Huntlandia" с отворотом. Ткань с мембраной, непромокаемая. Подкладка из сетки, жесткий козырёк, утяжка регулирующая размер. Состав: полизэстер. Расцветки: REALTREE "Hardwoods" (лес), MOSSY OAK "Break-Up" (дуб), "Кусты"

ПЕРЧАТКИ ТЕПЛЫЕ Цена: 525 р.

Перчатки "Huntlandia" непромокаемые. Манжет на резинке, с внутренней стороны ладони имеют прорезиненные вставки, что обеспечивает надежный захват, есть внутренний карман на "липучке" (возможно размещение в нем термоэлемента "грелки"). Манжет регулируется утяжками. Перчатки отшиваются по анатомическим лекалам повторяя изгибы кисти.

Ткань непромокаемая с мембраной. Утеплитель Тинсулайт (40 гр). Состав: полизэстер 100%. Расцветки: REALTREE "Hardwoods" (лес), ADVANTAGE Timber (опавшая листва), "кусты" Размеры: M, L, XL, XXL.

КОМПЛЕКТ ТЕРМОБЕЛЬЯ

Комплекты термобельё "Huntlandia", две модели:

Рубашка с высоким воротом на молнии, или с круглым воротом, на рукавах манжеты с лямкой. Кальсоны с гульфиком, уплотнители на икрах. На коленях и задней части двойной слой ткани. Специальный, очень комфортный, плоский шов, не натирающий кожу. Предназначено для тех, кто занимается физической деятельностью средней интенсивности при холодной погоде. Ткань: 100% полизэстер. Внутренний слой (махровая вязка), обеспечивает отвод влаги с поверхности тела, во внешний впитывающий слой. Тем самым обеспечивает сохранение тепла и комфорта при носке. Рекомендуемый температурный режим использования: от +10 до - 35С.

Расцветка: "Темно-зеленый" Размеры: M, L, XL, 2XL, 3XL, 4XL

Цена: с воротом на молнии - 1500 р., с круглым воротом 1490 р.

КОСТЮМ РЫБОЛОВНЫЙ "ШТОРМ"

Непромокаемый костюм с мембраной, состоит из двух курток и брюк. Верхняя куртка (не утепленная): пароотводящая подкладка, два внешних нагрудных кармана (закрыты клапанами), два внешних накладных кармана, два боковых кармана на молнии, два внутренних кармана, регулируемый капюшон. Манжеты рукавов из неопрена, регулируемые. Система вентиляции на молнии в зоне подмышек. Утяжка на поясе и нижней части куртки. На спине: дополнительный карман с клапаном на липучке. Внутренняя куртка из флиса на молнии, пароотводящая подкладка, отстегивающиеся рукава, один нагрудный карман на молнии, два боковых, один внутренний, утяжка по низу куртки, вставки из прочной ткани на плечах.

Брюки не утепленные, с регулируемыми лямками, высокая поясница, два боковых внутренних кармана с клапанами на липучках, два накладных кармана с клапанами на липучках, два задних кармана. Молнии в нижней части штанин (до колена), для удобства при снятии и одевании, низ штанин регулируется. Водонепроницаемые прошитые двойные швы. Усиление на местах разрыва, вставки из прочной ткани.

Ткань: непромокаемая с мембраной Weather MAX.

Цвет: зеленый.

Размеры: M, L, XL, 2XL, 3XL.

Цена: 4980 р.

КОСТЮМ "HUNTLANDIA" "ОХОТНИК", ДЕМИСЕЗОННЫЙ

Цена: 6290 р.

Куртка длинная с капюшоном и полукомбинезон на регулируемых лямках (с высокой грудью и спиной). Капюшон на молнии с жестким козырьком, регулируется двумя утяжками. Куртка имеет четыре нагрудных кармана (закрыты клапанами), два внешних широких накладных кармана (с возможностью использования отстегивающегося патронташа), два боковых кармана и два внутренних кармана на молнии, накладки на плечах предотвращают соскальзывание ружейного ремня. Рукава с регулируемыми манжетами. Система вентиляции на молнии в зоне подмышек. Центральная молния расстегивается снизу и сверху, защищена противоштормовым клапаном. Утяжка на поясе и нижней части для теплового регулирования посредством образования воздушных мешков. Полукомбинезон имеет нагрудный, два боковых (закрыты клапаном), два широких накладных кармана (закрыты клапаном на кнопках). Молния на полукомбинезоне расстегивается как сверху, так и снизу для удобства эксплуатации. Дополнительная молния в нижней части штанины (до колена) для удобства при снятии/одевании, низ штанины регулируется по окружности (липучка). В костюме использована только высококачественная фурнитура, прорезиненные металлические кнопки (не издают шум при движении). Водонепроницаемые проклеенные швы. Усиления на местах разрыва.

Ткань: непромокаемая с мембраной с высокими показателями пароотводности. Низкий уровень шума при движении. Ткань предотвращает проникновение загрязнений внутрь волокон (например, попавшая на одежду кровь легко смывается простой водой). Пароотводящая подкладка (полиэстер). Наружная ткань костюма не пропускает воду в виде дождя и снега, а также не является преградой для испарений с поверхности тела за счёт работы мембранны. Мембрана и проклеенные швы, позволяют гарантировать 100% непромокаемость, а пароотводящая (дышащая) подкладка позволяет внутренней одежде оставаться сухой, по этому костюм идеален для активного отдыха в осенне-весенне время года.

Новая камуфляжная расцветка от MossyOak "Duk Blind" идеально маскирует, как на открытой местности, так и в лесу.

Размеры: S, M, L, XL, 2XL, 3XL.

КУРТКА "ОЛЕНЬ"

Цена: 790 р.

Куртка флисовая на молнии (до бедра) по бокам карманы, воротник стойка, рукава на манжете. Мягкая, тёплая. ткань очень быстро сохнет, что делает эту куртку незаменимой при большой физической активности в холодное время года. Может использоваться в качестве верхней одежды и как очень теплая поддевка.

Расцветка: хаки.

Размеры: S, M, L, XL, 2XL, 3XL.

Производитель: Франция

КУРТКА 2 В 1 ROVER & LAKES

Цена: 2070 р.

Тёплая, непромокаемая, длинная куртка (до середины бедра) с теплой подстёжкой (в виде жилета). Воротник, манжет и клапан центральной молнии отделаны вельветом. Наружная ткань 100 % хлопок высокой плотности, с несмываемой водостойкой пропиткой, подкладка - полиэстер. Два наружных кармана, один внутренней на молнии и специальный карманчик для мобильного телефона или рации.

Подстёжка: тёплый жилет с карманами на молнии, может использоваться не только для дополнительного утепления куртки, но и как самостоятельный предмет гардероба. Утеплитель нового поколения из лавсанового волокна.

Два цвета: Коричневый, темно-зеленый.

Размеры: 46,48,50,52,54,56.

Производство: Германия.

Уникальное ценовое предложение!

КОСТЮМ "HUNTLANDIA" "3 В 1", УНИВЕРСАЛЬНЫЙ

Цена: 9290 р.

Вы можете использовать этот костюм весной, осенью и зимой! Смотрите описание куртки внешней и полукомбинезона на стр.25 "Костюм "HUNTLANDIA" "ОХОТНИК", демисезонный". Полукомбинезон на регулируемых лямках с подстежкой-утеплителем. Дополнительно: куртка- подстежка, которая может использоваться отдельно, из непромокаемой ткани с мембраной. В костюме использована только высококачественная фурнитура, прорезиненные металлические кнопки (не издают шум при движении). Водонепроницаемые проклеенные швы. Усиления на местах разрыва.

Ткань: непромокаемая с мембраной с высокими показателями пароотводности. Низкий уровень шума при движении. Ткань предотвращает проникновение загрязнений внутрь волокон (например, попавшая на одежду кровь легко смывается простой водой). Пароотводящая подкладка (полиэстер). Наружная ткань костюма не пропускает воду в виде дождя и снега, а также не является преградой для испарений с поверхности тела за счёт работы мембранны. Мембрана и проклеенные швы, позволяют гарантировать 100% непромокаемость, а пароотводящая (дышащая) подкладка позволяет внутренней одежде оставаться сухой, по этому костюм идеален для активного отдыха в осенне-весенне и зимнее время года.

Новая камуфляжная расцветка идеально маскирует, как на открытой местности, так и в лесу.
Размеры: S, M, L, XL, 2XL, 3XL.

ПОЛИУРЕТАНОВЫЕ САПОГИ "P. ORIGINAL" ТЕПЛЫЕ (ШВЕЦИЯ)

Цена: 2880 р.

Этот товар появился на рынке России 5 лет назад. За это время сапоги использовались и в экстремально холодных условиях Чукотки, Белого моря (при - 55 градусов Цельсия) и в средней полосе РФ и зарекомендовали себя с лучшей стороны. Вспененный полиуретан является лучшим теплоизолятором за счет пузырьков воздуха в полиуретановой массе. Сапоги не нуждаются в специальных стельках и вкладышах, чтобы защищать от холода. Искусственный мех внутри сапога добавлен для комфорта, а не для тепла. Отливаемая масса полиуретана смешана с антибактериальной добавкой, которая не позволяет развиваться бактериям и плесени внутри сапога. Они легче своих аналогов из ПВХ и резины на 30 %, что позволяет не уставать ногам при длительном хождении. Сапоги прочные и используются в течение многих лет (из опыта: от 3 до 7 лет). Цвет: зелёный, чёрный.

Размеры: 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46-47, 48-49

САПОГИ "AIGLE" ДЕМИСЕЗОННЫЕ (ФРАНЦИЯ)

RIVIER

Фабрика специализируется на производстве сапог с 1853 года.

Высокие болотные сапоги. Материал – натуральный каучук, позволяет использовать сапог более 5 лет. Подошва: каучук + полимер. Внутри синтетический материал (быстросохнущий).

Специальный ремешок для фиксирования сапога на поясном ремне.

Размеры: от 40 до 47

Цена: 3390 р.

PARCOURS

Фабрика специализируется на производстве сапог с 1853 года. Сапог доколена из натурального каучука. Подошва- каучук + полимер.

Внутри синтетический материал (быстросохнущий) со специальной антибактериальной пропиткой против образования плесени, запаха, грибка.

Размеры: от 40 до 47

Цена: 3790 р.

ФОТО НА КОНКУРС

Медведь и ворон: кто кого испугал?

Снимок сделан в мае 2007 г. на границе Вологодской и Архангельской областей

Фото Н. ШИШЕЛОВА

**Фотоконкурс
«Охота и природа. 2007»**

Испытания по утке

В первых числах августа, на бывших карьерных разработках под Вологдой, областная секция лаек проводила испытания по утке. Выдалась хорошая погода, хотя всю неделю до этого шел дождь. Участников испытаний оказалось больше, чем предлагалось. Накануне бригада экспертов во главе с председателем секции лаек Евгением Олеговичем Никитиным приехала в угодья, они разбили лагерь, осмотрели место проведения состязаний.

Следует отметить, что была проведена хорошая подготовка, место выбрано очень удачно — большой просмотр и много утки. Часто слышались выстрелы и быстро росло количество дичи для «шулюма». Знать, хорошо работали собаки, потому что достать в этих местах дичь под силу только им.

Прошли испытания. Был традиционный костер, «шулюм», все остались довольны.

А. ДИГИЛЕВИЧ
Фото автора

ИЖ-43KH — вид со стороны колодки и казенной части стволов

Современные охотничьи ружья

ИЖ-43 — базовая модель

Ружья ижевского механического завода

Виктор ГУРОВ

В данной статье речь пойдёт о двухствольных гладкоствольных ружьях со стволами, соединёнными как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях, с одним или двумя спусковыми крючками, с внутренними или наружными курками, которые можно найти в охотничьих магазинах России.

Базовая модель ИЖ-43

Этой модели предшествовали такие ружья как ИЖ-49, ИЖ-54, Иж-26. Ижевчане уверяли охотников, что в процессе эксплуатации были выявлены ряд недостатков, потребовавших «серёзных» конструктивных изменений. Но информация насчёт «недостатков» — это версия производителей. Вышеназванные модели горизонталок были весьма достойными ружьями. Начавшийся выпуск в 1958 г. самой массовой горизонталки — ИЖ-58 был лишен всех «недостатков». Пластиичные боевые пружины были заменены на винтовые цилиндрические, а бойки впрессовали в курки, что значительно удашило технологию производства ружья.

ИЖ-43 — двухствольное ружьё с горизонтальным расположением стволов. Оно было создано на базе ружья ИЖ-58МА. Основные изменения коснулись ударно-спускового (УСМ) и предохранительного механизмов. Так же были удачно решены задачи совершенствования механизма автоматического удаления стрелянья гильзы из патронника ствола. Одновременно с этим велись работы по созданию универсального спускового механизма (УСМ) для двухствольного ружья, каждый спусковой крючок которого позволял производить выстрелы повторным нажатием на него, также можно было вести стрельбу традиционным способом поочерёдным нажатием на каждый спусковой крючок в соответствии с выбранной очерёдностью. Все эти работы выполнялись под руководством инженера-конструктора А. Калинина, начальника бюро двухствольных ружей.

В 1986 г. завод приступил к изготовлению ружей ИЖ-43 и ИЖ-43Е с универсальным УСМ. Однако, из-за сложившихся производственных трудностей,

вызванных горбачёвской перестройкой и «новым» мышлением, завод от своих намерений отказался, но оставил за собой право выпускать ружья с универсальным УСМ отдельными партиями и по заказу. ИЖ-43 и ИЖ-43Е продолжали выпускать, но с обычным УСМ. К идее универсального УСМ завод вернулся в новом столетии и порадовал охотников и спортсменов установкой его на ряд своих моделей.

Модель ИЖ-43 отличают простота, надёжность конструкции и высокая степень безопасности. В ружье введена конструкция затвора с запиранием на два подствольных крюка рамкой Перде. Предохранитель автоматический, запирает шептала и спусковые крючки. Ружьё ИЖ-43 послужило базой для создания целого ряда модификаций.

ИЖ-43Е — отличает от базовой модели эжекторный механизм селективного типа (выбрасывает только стрелянью гильзу).

ИЖ-43-1С — ружьё с односпусковым механизмом. Изменение последовательности выстрелов осуществляется переключателем, расположенным на спусковом крючке.

ИЖ-43Е-1С — базовая модель с односпусковым механизмом и эжекторным устройством селективного типа.

Среди охотников до сих пор есть люди, благоговейно относящиеся к курковым горизонталкам. Ижевчане пошли «на встречу пожеланиям» поклонников и

ценителей курковых двухстволок и создали такие ружья.

ИЖ-43К — ружьё с внутренними курками, но их введение и нагнетание боевых пружин осуществляется наружными взводителями, которые при беглом взгляде можно принять за наружные курки обычной курковой двухстволки. При этом открывать стволы ружья не нужно. Это ещё не настоящая курковая двухстволка, но наружные «сучки — взводители» придают ей некоторую схожесть.

ИЖ-43KH — дальнейшая разработка базовой модели и представляет собой настоящую курковую двухстволку. Благодаря замочным доскам ружьё имеет вид классического куркового ружья. У ружей ИЖ-43К и ИЖ-43KH есть важная положительная черта: предохранитель обеспечивает безударный спуск курков с боевого ввода. Для этого необходимо нажать на кнопку предохранителя переместить в переднее положение. Затем, придерживая пальцем каждый взводитель (курок) отдельно и нажимая на соответствующий ему спусковой крючок, плавно и без удара перевести взводитель (курок) в переднее положение.

МР-213 — модификация базовой модели ИЖ-43. Сохранив все положительные характеристики своего прототипа, ружьё получило новое качество: возможность быстрого отделения УСМ, без специального инструмента, посредством простого нажатия на защёлку,

ИЖ-43К — модификация с наружными взводителями

ИЖ-43KH — модификация с наружными курками

Статья первая

Хранение оружия

Наш журнал неоднократно освещал эту тему на своих страницах, но письма читателей свидетельствуют, что работники милиции продолжают предъявлять незаконные требования. Они требуют, чтобы оружие не только хранилось в сейфах или железных ящиках, но и чтобы те крепились к полу или стене болтами, а квартиры оборудовались охранно-пожарной сигнализацией.

Какие же требования предъявляются к владельцам оружия действующими нормативно-правовыми актами?

Федеральный закон «Об оружии» не содержит конкретных требований по хранению оружия. В статье 22 говорится, что гражданское и служебное оружие должно храниться в условиях, обеспечивающих сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к нему посторонних лиц. Закон предоставил право определять требования к условиям хранения различных видов гражданского и служебного оружия и патронов к нему Правительству Российской Федерации.

В Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации (далее Правила), утвержденных постановлением Правительства РФ от 21 июля 1998 г. № 814, в статье 59 изложены условия хранения принадлежащего гражданам оружия: оружие и патроны должны храниться по месту проживания владельцев оружия с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц, в запирающихся на замок сейфах или металлических шкафах, ящиках из высокопрочных материалов либо в деревянных ящиках, обитых железом.

Хранение оружия и патронов в местах временного пребывания должно осуществляться с соблюдением условий, исключающих доступ к оружию посторонних лиц.

Есть категория людей, которая увлечена коллекционированием оружия, в том числе и охотничье. К условиям хранения коллекций оружия, кроме общих требований, изложенных в Правилах, предъявляются и другие, более жесткие.

В Инструкции по организации работы ОВД по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории РФ, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 г. № 288, в статье 162 говорится, что при наличии у владельца коллекции оружия комната, где оно хранится, оборудуется охранно-пожарной сиг-

Н. П. Астафьев

нализацией, а дверной проем — металлической входной дверью с дополнительными запорами и коробом. В окна комнаты (квартиры), расположенной на первом (последнем) этаже здания, устанавливается металлическая решетка. В случае невозможности установления сигнализации по техническим причинам, шкафы и ящики для хранения оружия крепятся к одной из стен комнаты стальными болтами (не менее двух) с диаметром резьбы 16 мм и более.

Еще раз следует подчеркнуть, что эти требования предъявляются только к коллекционерам оружия.

Коллекционирование оружия возможно на основании лицензии, выдаваемой ОВД России по согласованию с Министерством культуры России.

Поэтому требования работников милиции к владельцам охотничье оружия крепить сейфы и ящики болтами к полу или стене, не основано на нормативно-правовых актах, так же как и требование устанавливать охранно-пожарную сигнализацию. Это свидетельствует о недостаточной юридической грамотности работников милиции или желании пополнить милицейскую казну за счет установления дорогостоящей сигнализации.

Названные незаконные требования работников милиции к владельцам охотничье оружия по вопросам его хранения могут быть обжалованы начальнику территориального отдела внутренних дел, в вышестоящий орган внутренних дел, прокурору или в суд.

Н. АСТАФЬЕВ, почетный работник Прокуратуры Российской Федерации старший советник юстиции

расположенную в задней части УСМ. МР-213А — ружьё с односпусковым отделяемым УСМ и кнопочным переключателем последовательности выстрелов, расположенным на спусковом крючке.

МР-213В — ружьё с универсальным УСМ, представляющим собой два соединённых в блок односпусковых механизма, каждый с разной последовательностью выстрелов. Его охотник может заменить на односпусковой механизм такого же типа, как у МР-213 А.

МР-213 ЕС — модификация с эжектором и дополнительным УСМ. В этом ружье основной механизм — универсальный и дополнительно в комплекте прилагается односпусковой УСМ с изменяющейся очерёдностью выстрелов.

Все модификации модели ИЖ-43 выпускаются следующих калибров. 12/76, 12/70, 16/70, 20/76, 20/70, 28/70, 32/70 и 410 калибр с патронником длиной 76 мм. Длина стволов в пределах: 12 калибра — 510, 675, 710, 725, 750 мм; 16-й — 710, 725 мм; 20/70 — 675, 710 и 760 мм, а 20/76 — 510, 675, 710 и 760 мм; 28-й и 32-й — 675, 710 и 760 мм; 410-й — 510, 675, 710 и 760 мм. Все ружья имеют постоянные дульные сужения: правый ствол — цилиндр, цилиндр с напором, получок и 3/4чок, левый — цилиндр, получок и полный чок. Вес ружей (кг): ИЖ-43М калибра 12/76 — 3,6, 12/70 — 3,3, 16/70 — 3,2, 20/70 и 20/76 — 3,2, 28/70 — 3,0, 32/70 и 410/76 — 3,1. Ружья с длиной патронника 76 мм допускают стрельбу патронами «магнум».

В последнее время завод, на базе модели МР-213, стал выделять двусторонний штутцер «Артемида», который ранее изготавлялся на базе ружья ИЖ-43. Штутцер присвоен индекс МР-223. Штутцер выпускается под патроны калибра 7,62x51 и под более мощные вплоть до патрона 9,3x74R. Точность попадания по горизонтали регулируется целиком, по вертикали — мушкой за счёт её вращения. Имеется приспособление для установки оптического прицела.

В качестве недостатков модели ИЖ-43 и её модификаций можно отметить, что кнопка предохранителя слишком утоплена в хвостовике коробки, передвигать её неудобно, особенно зимой в перчатке. Что касается ружей ИЖ-43К и ИЖ-43КН, то у наружных вводителей и курков довольно непривлекательный вид. Словно их вынули из проволоки, а винты на замочных досках были куплены в ближайшем скобяном магазине. Складывается впечатление, что у дизайнеров не хватило вкуса сделать их действительно классически красивыми. Древесина нависает над металлическими деталями. Но это болезнь наших оружейников.

Вложив душу и немного фантазии в интересную и оригинальную модель ИЖ-43, инженеры-конструкторы и дизайнеры ИЖМЕХа действительно сделали бы настоящий подарок российским охотникам, любителям и ценителям двусторонних горизонтальных ружей, как с внутренними курками, так и наружными.

Домашнее снаряжение патронов

Ю. ТУНДЫКОВ

Фото К. Гриниха

Принадлежу к той категории охотников, которые воспринимают охоту и подготовку к ней как нечто единое и цельное и которые, в соответствии с таким настроем, занимаются домашним снаряжением патронов («самокрутом») не только ради экономии средств, и не только для того, чтобы иметь патроны с заданными качественными характеристиками, но и по внутреннему влечению к этому делу. Кстати, на Западе оно именуется релодингом (от английского reload — переснаряжать).

Из сообщений печати (журнал «Охота и охотничье хозяйство») известно, что в США стоимость «машинок» для релодинга варьируется от 20 до 800 долларов. Могу представить, какой широкий ассортимент умных приспособлений вмещает в себя эта ценовая «вилка». А как обстоит дело у нас?

С того времени, когда впервые взял в руки ружье (начало 50-х годов), я пользовался двумя приборами для снаряжения патронов — «Барклай» и «Диана». Более современный прибор УПС частично совмещает функции того и другого и добавляет новые. Составной частью всех трех приборов является пестик-навойник для запыливания патронов. В справочной литературе указывается, что для достижения оптимального и однообразного сжатия пороха (с силой до 6—8 кг) желательно воздействовать на пестик одной (ведущей) рукой, не отрывая при этом локоть от стола. Может возникнуть вопрос, а нельзя ли для упрощения и облегчения этой операции оснастить пестик пружиной с ограничителем? Ответ очевиден: конечно можно и, помниться, в каком-то охотничьем издании сообщалось о

самодельном варианте такого пестика. К сожалению, специалисты, ведающие проектированием охотничьего инвентаря и снаряжения, оставили этот опыт без внимания.

Но это еще не все. Независимо от типа используемого пестика после зарядки трех-четырех десятков патронов рабочая рука начинает уставать. Приходится помогать ей другой рукой (при подпружиненном пестике это делу не вредит). Но для такой работы больше подходят пестики не с шароподобным или грибовидным навершнем (как в «Барклай», «Диане» и УПС), а с удлиненным и заоваленным.

Но и это еще не все. Любой поклонник Артемиды — Дианы вправе задаться вопросом: а нельзя ли для рассматриваемой операции придумать какой-то принципиально иной прибор, более совершенный? Оказывается, можно. Несколько лет назад в журнале «Охота и охотничье хозяйство» была опубликована фотография известного русского оруживеда А. Иващенко, занятого снаряжением патронов. На ней хорошо просматривается возвышающаяся над столом конструкция с длинным рычагом для передачи подпружиненного давления на пестик. Мне тогда подумалось: вот если бы нечто подобное снабдить наших охотников, увлекающихся релодингом.

Приспособление для завальцовки дулец бумажных и пластмассовых гильз выпускается у нас в ручном и настольном вариантах. Вспоминаю, как в конце 50-х годов, когда в стране началась компания по промышленному и бытовому использованию пластмасс, матрицы для закруток стали изготавливать из пластмассы. Такая матрица выдерживала не более двух десятков операций по за-вальцовке дулец, после чего срывалась с резьбы и, весь прибор приходил в негодность (отдельно от прибора, матрицы в то время не продавались). Прежние закрутки — с матрицами из металла — стали цениться у охотников на вес золота, благо, через несколько лет промышленность стала снова их производить.

Позднее был возобновлен выпуск закруток с пластмассовыми матрицами, но уже обновленными: в тело матрицы запрессовывается металлическая гайка, исключающая возможность возникновения упомянутого дефекта. Но у этой закрутки (имеется в виду ручной вариант) обнаружился другой недостаток, связанный с тем, что ее корпус также стал изготавливаться из пластмассы. Чтобы обеспечить корпусу необходимую прочность, его сделали не с двумя боковыми вырезами (как в металлической закрутке), а с одним. Но при та-

кой конструкции оказалось затруднительным удерживать патрон в корпусе пальцами руки и препятствовать холостому прокручиванию патрона. Лично я вышел из положения тем, что выпилил лобзиком и изъял из закрутки часть корпуса (но тем самым несколько ослабил его).

Ну, а с настольной закруткой, конструкция которой на моей памяти никогда не менялась — просто беда. Смешно сказать, но это устройство словно рассчитано на пользователя, у которого три руки (ибо двух рук не хватает для предотвращения упомянутого холостого прокручивания патрона). Ясно, что «третья рука» должна быть мечанической, но ее, увы, пока не придумали. Нежели эта задача неразрешима?

Выскажу несколько советов, основанных на собственном опыте.

После первого же использования бумажных и пластмассовых гильз у многих из них капсюльные гнезда оказываются расширенными, новые капсюли запрессовываются в такие гнезда не плотно (иногда капсюли просто «проваливаются»). Для преодоления этого затруднения в литературе предлагалось осаживать придонные пыжи в гильзах ударами по металлической трубке — пунсону (с целью сужения капсюльных отверстий в придонных пыжах, так и самих капсюльных гнезд). Я проверял эффективность этого совета и нашел его не оправдывающим себя. Во-первых, с помощью рассматриваемого средства цель достигается не всегда: иногда, стоит только при снаряжении патрона нажать на навойник с необходимым усилием, как капсюль выходит из гнезда на один-два миллиметра (что недопустимо, как для профилактики осечек, так и для предотвращения произвольных выстрелов при недозарядом ружье). Во-вторых, как мне представляется, осаженный придонный

пыж ухудшает условия для сгорания пороха и развития выстрела.

Простым и надежным способом закрепления капсюлей в гнездах бумажных и пластмассовых гильз является приклеивание капсюлей kleem «Момент» (клей наносится на стенки гнезда размочаленным кончиком спички).

В связи с этим советом выскажу еще один. Мой опыт показывает, что из бумажных и пластмассовых гильз гораздо эффективнее выбивать капсюли штифтом, изготавленным из гвоздя, нежели выдавливать их с помощью прибора УПС. При этом рабочая часть штифта должна иметь диаметр не более 2,5 мм. Такой штифт входит внутрь капсюля не распирая капсюльного канала (и соответственно, стенок гнезда гильзы). В результате применения такой технологии расширенными оказываются капсюльные гнезда не более чем у 10—15 процентов гильз. Но если все-таки капсюли запрессовываются в гнезда неочно (что рука сразу чувствует), то для исправления дела как раз удобнее выдавливать их посредством прибора УПС (чтобы вслед за этим вновь посадить на место, но уже с подклейкой).

При работе с металлическими гильзами затруднение возникает в момент извлечения использованного капсюля из капсюльного гнезда (имеется в виду капсюль «Центрбоя»). Бывает, что при выбивании капсюля игольчатый штифт пробивает капсюль насквозь, но при этом капсюль остается в гнезде. Случается также, что иголка штифта сгибается и ломается. Практика показывает, что капсюль все-таки можно выковырнуть при помощи шила или острия половинки маленьких ножниц, воздействуя тем и другим на капсюль снаружи, как крючком. А новый штифт с иголкой можно изготовить из гвоздя (для чего, кроме напильника и плоскогубцев, требуется с полчаса времени). Но что-

бы таких случаев не возникало, надо выбивать капсюли из гильз сразу после возвращения с охоты, пока металл не окислился и капсюли не «срослись» с капсюльными гнездами.

При повторном и последующем использовании пластмассовых гильз возникает задача реставрации их деформированных дулец. Рекомендуемые в литературе способы реставрации — прокатывание дулец на оправке горячим утюгом, нагревание дулец в кипящей воде и выпрямление с последующим охлаждением под струей холодной воды — не достигают цели. Материал этих гильз слишком «запоминает» свою прежнюю («неправильную») форму и уже через две-три минуты после названных операций восстанавливает ее.

Я выхожу из положения следующим образом. Оправки изготавливаю из металлических гильз 16 калибра (для реставрации пластмассовых гильз 12 калибра). Ножницами по металлу делаю вглубь гильзы 10—12 надрезов длиной до полутора сантиметров. Образовавшиеся «лепестки» завожу краями друг за друга, в результате чего образуется конус, который облегчает надевание реставрируемой гильзы на оправку. Нагреваю конус оправки на газе, удерживая оправку перчаткой. Время нагревания — не больше четырех-пяти секунд. За эти мгновения конус нагревается до температуры (явно выше ста градусов), достаточной для того, чтобы дульце гильзы после остывания сохранило новую, приданную ей форму. Вместе с тем эта температура не создает опасности оплавления пластмассы (что могло бы испортить все дело). Оправок я изготавлил несколько: пока использую последнюю, первая вместе с гильзой успевает остывть и ее можно употреблять для исправления очередной гильзы. Дело, таким образом, ставится на поток.

БелОр

МОНГОЛЬСКИЕ ТОВАРЫ

Изделия из верблюжьей шерсти

Для охотников и рыболовов предлагаем изделия из верблюжьей шерсти: спальные мешки, куртки, жилеты, свитера, одеяла, пледы, подушки, шапки, шарфы, согревающие пояса на поясницу и спину, перчатки, носки, стельки, тапочки, бинт эластичный, наколенники

Изделия не обработаны химикатами и красителями, сохраняют лечебные свойства и долговечны.

Уникальное строение верблюжьего волоса (полый внутри) регулирует тепловой обмен, способствует поглощению влаги

Заказы почтой: 140185 г. Жуковский
Московской области, а/я 213

Е-MAIL: GUDKOVA2000@MAIL.RU
Телефон: 8(926) 337-31-57 Бурыкин Наталья Юрьевна

Таежный пес Джека

А. ГУЗЕНКО

Приходил я на хребет под названием Щит не один раз, то в начале лета, когда саранки открывались на встречу таежным зорям, то в начале осени, когда весь хребет вспыхивал осенним огнем. Тогда я брал фотоаппарат, пару пачек пленки «ОРВО» и в надежде поймать редкий рассветный сюжет около часа поднимался от верхней лесовозной дороги на крутой склон Щита. Тропа настолько круто уходила вверх, что только корни карликовых берез, стланника и багульника, в изобилии росшего на склонах, помогали взобраться на хребет. И в самом деле, он, как настоящий щит, отдался пологое горное плато, где жили люди, от высоких угрюмых гор, тянущихся к юго-западу, зачастую заснеженных, словно скованных ледяным дыханием самого холодного моря.

С одной стороны Щита белели осыпи, мрачными пятнами проступали обгоревые лиственничники и гольцы на гребне, с другой — елово-березовая тайга упорно цеплялась за крутой склон, спускалась вниз и тянулась по плато на восток к большой таежной реке, уходила за нее, растворяясь в голубом мареве горизонта. Пробраться сюда зимойказалось невозможено: все склоны грозили лавинами, а в гольцах на гребне Щита гулял только ветер. Зимой я охотился у его подножия, так как все живое старалось обходить угрюмые гольцы по распадкам, а по крутым каменистым осыпям могла проскочить только кабарга, преследуемая соболем...

В этот раз Щит был прекрасен по-особому — стояла ранняя осень, и первые ночные заморозки как-то разом золотили лиственницы и березы, а между ними вспыхивали огни красной рябины и фиолетовой черники. В такие дни, нализившись по осыпям с ружьем и приторочив к поясу два-три рябчика, любил я отдохнуть, подставив щеку последним теплым ветрам, настоящим на перезрелой голубике и багульнике. Языки осыпей сменяли гари, иногда слегка заросшие кустарником. Пройдя такую гарь, ботинки покрывались черным налетом с обгоревших пней, и зола забивалась во все щели, но я не обращал на это внимания, удивляясь причудливым формам обгоревших коряг, зачастую стараясь запечатлеть их на пленке.

Я вышел к последнему гольцу, где ранее бывать не приходилось, и здесь почувствовал присутствие другого человека: так всегда случается в тайге — ее строгая гармония так или иначе нарушается, стоит человеку задержаться в этом месте на полдня, а он тут был: вот едва заметные следы от костра,

одна, вторая гильза не меньше шестнадцатого калибра, позеленевшая от снега и дождей, и дальше чуть заметное глазом возвышение из камней с покосившимся березой. Ржавый гвоздь посередине указывал на то, что человек пытался сколотить подобие креста, а значит под крестом должна находиться могила. Интересно, чья же? Кто мог окончить свой жизненный путь в далеких восточных сопках? Тем более, что местные жители предпочитали хоронить родственников на погосте за селком.

Я стал перебирать в памяти все истории, услышанные от местных старожилов, и, наконец, сделал вывод: могила могла быть связана только с этой. Возможно, я ошибался.

А ходила среди местных жителей, охотников да лесорубов, такая история: жил, стало быть, в этих местах троцпер одинокий, но известный и уважаемый среди охотников, как справедливо соблюдающий все местные таежные законы. Законы эти отличались неписаной добропорядочностью ко всему живому и растущему в тайге. Рыба в реках всегда водилась, и соболь бегал в лесах, до которых не докатилась ненасытная вырубка леспромхозов, и браконьеры побаивались нагло вести себя. Кто нарушал неписаные законы тайги — пропадал бесследно, и чащи умели хранить свои тайны, не оставляя даже косточек непрошенных пришельцев. Но цивилизация и время попростили многие из законов, и постепенно молодежь стала забывать о них, лишь старожилы ценили и глубоко уважали тех, кто их соблюдал, и уж, конечно, его, троцпера одинокого Иллариона. Уважали его и советовались с ним и местные, и приходящие геологи и топографы, гостеприимно встречающие хозяином в любое время дня и ночи. В его крайнем срубе всегда, как в гостинице, кто-то да почевал, то заплативший охотник, то проходящие туристы, да мало ли кого видела тайга — и обычновенных, и лихих людей, промышляющих соболем и рыбой, ягодой и золотишком. Ценили троцпера и за то, что не интересовался, почему человек шел в тайгу, не лез в душу к путнику, будь тот беглый зек или отчаявшийся в мире бродяга, решивший стать таежным отшельником от невезучей жизни в городе или неудавшейся любви. Мало ли что заставляет людей преобречь этим миром!

Единственным другом и родственником Иллариона был пес Джека, помогавший охотнику во всех его делах таежных, бывший, как бы, правой рукой хозяина. Летом, за охотой и делами никогда не переводившимися в тех местах у неленивых жителей, Иллариона не беспокоила мысль об одиночестве и смысле жизни, а вот долгими зимними

вечерами он частенько мысленно удалялся в далекие путешествия вместе со старыми номерами «Огонька», с разноязычными голосами из транзистора. Кажется, и пес, вторая живая душа в избушке, тоже бродяжничал вместе с хозяином по всем странам и континентам, преследуя иноземных зверей и ловя рыбу в далеких реках. Поутру они возвращались в реальность настоящего мира, охотник надевал камусные лыжи, и след их терялся в синих распадках...

Джека был щенком сибирской лайки, обычной беспородной лайки, так часто встречающейся в сибирской деревне, лайки-труженицы, помогающей мужчинам белковать по первому снегу, гонять собольку и смело идти на яростно вырывающегося из зимней берлоги хозяина тайги — медведя. К осени Джека вполне мог сойти за взрослого пса, но его несдержанность по отношению к воробьям и кошкам говорила о собачьей молодости. Вместе с другими собаками, оглашая окрестные поля веселым заливистым лаем, носился пес за удирающими зайцами. Здесь впервые почуял он и запах лисицы, слегка напоминавший собачий. Эта рыжая bestia частенько водила за нос многих деревенских псов, охраняющих курятники, и хозяйкам приходилось горевать, видя передвигавшиеся ряды вернувшихся с реки уток. Как-то раз Джеке даже удалось выгнать лиса на возвращающегося из леса хозяина, но у Иллариона не было в тот момент ружья, и лис ушел. Илларион подумал, что с собакой будет удачная лисья охота, но он ошибался — окончательно знаменитые свойства Джека как лучшего медвежатника в районе сложились к двум годам.

Илларион считался в селе хорошим охотником, соседи часто видели его возвращающимся со шкурой лисы или связкой уток. Односельчане поговаривали, что удача сопутствует этому человеку даже в трудные времена, когда в лесу не было зверя, а в поле урожая. Делил тогда Илларион добытое мясо среди селян и слыл меж ними ни в чем не отказывающим человеком. Когда же на столе появлялась медвежатина, в его избе собиралась добрая половина местных охотников, и разговоры об охоте тянулись до утра:

— Зараз иду я телка искать по Мутному, глядь — лапища по берегу, во, — снимал свою шапку подвыпивший сосед Филипп, — как эта шапка! Вода в следу грязная, не осела еще от миши. Эх, думаю, зря ружко не прихватил, а то б точно на него вышел.

— Ха, горазд ты заливать! — смеялся сосед помоложе. — Медведь, это тебе не кабан в стайке, его завалить потруднее. Мы в том году со Степкой Роговым еле ноги унесли, дак у тово лапа только в половину твоей кепки будет...

— Вполовину, вполовину, — перебранивал Филипп. — Я вон на войне в японца с двести метров попадал, а мишня что ли меньше японца?

— Тоже еще, сравнил морковку с редиской, медведь половине людей бывает. Не всякая пуля его свалит...

Когда Джеке исполнилось пять месяцев, Илларион взял его в тайгу, подвергнув таким испытаниям, какие редко приходилось переносить самому.

Они переправлялись через бурные горные потоки, ночевали под холодным дождем в наспех сооруженных шалашах, согревались у дымных походных костров, питались сухарями, рыбой и тем, что пошлет тайга и река. Отвисший щенячий живот подтянуло, заметно напружились мускулы, взгляд пса стал остр, резко разграничились запахи леса. Вот Джека вслед за Илларионом переплывает быстрый перекат, но коварное течениеносит его к бурлящим порогам — еще не совсем окрепшие мускулы не справляются с потоком, несущим собаку прямо на торчащие из воды скалы... Еще и еще одна попытка, и едва живой Джека выбиралась на берег. Илларион жалеет усталую собаку, подбадривает: «Хорошо, Джека, молодец». Глаза собаки загораются огоньками: «Хозяин доволен, значит, я не подвел!» Они понимают друг друга: каждый жест, каждый взгляд, одобрительная интонация улавливается собакой, выражается виляющим хвостом, этой своеобразной собачьей улыбкой...

Стояла поздняя осень. Земля вот-вот должна была надеть зимний наряд. Свежий прозрачный воздух доносил множество самых разнообразных звуков, запахов, однако этот был каким-то особым, резким, исходившим от огромного сле-

да. Крупный лесной зверь прошел, видимо, несколько минут назад, примятая трава еще не успела выпрямиться. Запах не был похож ни на лисий, ни на заячий, ни на кабарожий. Подбадривающий голос Иллариона давал понять Джеке — это именно то, за чем они так долго продирались по непролазным шаломанникам и колючей малине.

«Давай, Джека, ищи, ищи!» — повторял хозяин, внимательно разглядывая на взрытой дикими свиньями земле след огромного медведя. Тонкое обоняние собаки уловило совсем свежий запах зверя. Джека рванулся вперед сквозь кусты, и через минуту лес огласил резкий напористый лай настигающей зверя лайки.

Большой медведь сидел, прижавшись спиной к скале, и, оскалившись, наблюдал за собакой, бросавшейся на него. Только тяжелая лапа рассекала воздух — Джека успевал отскочить! Медведь вдруг с несвойственной ему легкостью прыгнул вперед, и тут пес допустил ошибку, занявшую место зверя у скалы. Теперь собака оказалась в положении медведя: сзади возвышалась отвесная каменная стенка, слева — толстый ствол старого дерева, впереди — замыкающая треугольник разъяренная туша зверя. В тот миг, как Джека почувствовал всю безвыходность своего положения, выстрел Иллариона на доли секунды опередил занесенную лапу медведя... Зверь медленно осел в густую траву. Джека визжал и рычал, впиваясь зубами в холку поверженного хозяина тайги. «Хватит, Джека! Нельзя!» — крикнул Илларион, опуская ружье. «Нельзя! Перестань!» — успокаивал он разъяренную собаку.

Жакан вошел чуть ниже правого уха и пронзил череп медведя навылет, вызвав быструю смерть. Илларион содрогнулся при мысли, что пуля могла только скользнуть по черепу, еще более разъярив зверя.

Джека никак не мог успокоиться и все крутился вокруг Иллариона, пока тот свежевал шкуру. Вдруг охотник заметил кроль на шее пса, алы-пята четко про-

ступали на светлой шерсти. «Ну, постой! Я посмотрю, что с тобой... Ах ты, бедняга!» — Илларион взял лайку за голову и, притянув ее к себе, осторожно вытер травою кровь. Джека слегка взвизгнул. «Ах ты, черт возьми, все же задел голову! К счастью, лишь слегка процарапал. Да, Джека, гулять бы тебе без скальпа, будь он немножко полнее. Фу ты, язык длинный! Ружье лучше положи, если б не оно...» Пришедшийся вскользь удар сорвал клок шерсти с костей, но это не напугало Джека.

...Слава об искусстве Джека быстро вышла за пределы района, и даже старые таежные промысловики смогли убедиться, как тонко и настойчиво работает пес там, где другие собаки отказываются гнать, устают и теряют след. Однажды преследование медведя затянулось, и охотники, намотавшись по кустам и камням, остановились у берега порожистой реки, решив заночевать. Смеркалось. Медведь, с предыдущим его посом, перебралась через реку, и лай затих где-то вдали, в поднимающихся на сопку и тающих в вечерней мгле ельниках. Стало быстро темнеть, потянулся сырой ветер из речных ущелий, и охотники принялись разжигать костер, стаскивая с ближней косы принесенные паводком коряги. Работали молча, голодному и усталому человеку не до разговоров, но, согревшись немногим у костра и попивая из закопченного котелка крепкий чай, все приободрились, потянуло на разговоры, сводившиеся к тому, что никто из троих молодых охотников не верил в способности Джека:

— Ну, Илларион, не видать тебе больше собаки. Съест мишка, как пить дать! Слыши, тихо стало?

— Иди хоть чаю попей. Что угрюмый такой?

— Ничего, достанем тебе новую, мой дядька с Москвы такого щенка привез... мать с медалью, восточносибирская, настоящая, не то, что твой кобель — не то гончак, не то лайка.

Первым проснулся Илларион. Утренний туман молочным облаком стелился над рекой. Пробивая туман, восходящее солнце рисовало на его белом холсте причудливые фигуры лесных духов. На плесах то и дело расходились круги от играющих хариусов — широко расправив свои павлиньи плавники в лучах восходящего солнца, приветствовала рассвет непуганая стая. Илларион пожалел от прохлады и подбросил хвоста в затухающий огонь, спустился с котелком на прибрежные камни и зачерпнул воды. Прислушался. Сквозь шум воды на порогах ему послышался собачий лай, и тогда осторожно, чтобы не разбудить спящих, он взял двусторонку и решил пойти вверх по берегу.

Пройдя метров двести, Илларион прислушался — лай действительно повторился, вполне ясно прозвучал на другой стороне реки. В следующий момент на противоположном берегу затрещали сучья, и на косу выскоцил большой медведь. Собака вынутила хозяина тайги броситься в реку. Илларион

он побежал по направлению к тому месту, где медведь должен был выбраться на берег. Зверь, несмотря на сильное течение, без усилий преодолел реку и, найдя небольшую пологую бухточку между валунами, вылез на берег. Отряхнулся. По прибрежным лопухам прокатилась дождем радуга воды, вмг сделав их мокрыми. Медведь поднял голову — в нескольких метрах у стены начинаящегося леса стоял человек! Глухо зарычав, зверь бросился вперед, и даже пуля, посланная навстречу, не смогла замедлить его безудержный порыв, она только слегка скользнула по толстой лобовой кости и звонким шлепком ударила о ближайшую скалу. Теперь основной целью разъяренного медведя становился человек с ружьем, и ничто не могло остановить его, даже посланная из левого ствола картечка. Илларион замешкался, как назло под руку попадались одни дробовые заряды. Бежать было бесполезно! С виду неуклюжий зверь мог в несколько прыжков нагнать даже лошадь, тем более в таких дебрях. Оставалась только надежда на Джека, а его течением снесло гораздо ниже...

Пальцы судорожно шарят по патронтушам. Зверя на какой-то миг задерживает прибрежный завал, в то же время охотник нащупывает овальную головку пули, механически судорожным движением патрон ложится в патронник. Медведь рядом... для цельного выстрела времени не остается! Где же Джека!?! Вот он, повис на задней лапе медведя... Зверь оборачивается на собаку в двух шагах от охотника... выстрел все ставит на свои места: медведь как ужаленный резко переворачивается через голову, и пес едва успевает отскочить в сторону. Как в замедленном фильме, туша лесного хозяина валяется в воде.

Спавшие у костра горе-охотники на конец проснулись и успели увидеть завершение разыгравшейся у реки драмы, но из-за бурелома и плавника, загромоздившего всю косу, прибежать к Иллариону на помощь вовремя не смогли, и их ружьям так и не суждено было в то утро сделать удачный выстрел. Они долго удивлялись способностям Джека, никак не могли понять, как собаке удалось целую ночь держать зверя.

Только вечером хозяин заметил, насколько устал Джека. Пес спал, вытянув передние лапы, и даже не откликнулся на его зов, когда он принес пищу, только открыл и вновь закрыл глаза. Лишь иногда сонное рычание говорило о пежитой им погоне.

Время от времени Иллариону приходилоось уезжать в город за продуктами и в зверопромхоз за боеприпасами, иногда просто к друзьям по охоте и знакомым, но он более двух дней нигде не задерживался. Однако как-то раз такой отъезд затянулся надолго. Иллариона призвали на переподготовку в ряды Советской Армии, и он до конца лета прослужил в небольшом военном городке на крайнем западе страны. Когда охотник покидал деревню, он поглядил Джека своей большой и теплой ла-

донью: «Лежать, Джека! Со мной нельзя! Ждать, Джека! Ждать!». Пес понимал слово «Ждать» и только с грустью посмотрел вслед уходившему хозяину.

Кормить Джека Илларион поручил соседскому парнишке, не раз ходившему с ними на рыбалку в тайгу, но даже мясо пес теперь ел нехотя, без аппетита, только сильный голод вынуждал. Прохожие зачастую встречали его сидящим на проселочной дороге и грустными глазами посматривающим на них: не покажется ли среди всех Илларион? Но хозяин не приходил, и Джека возвращался один к дому, долго лежал неподвижно, положив голову на передние лапы, и вздыхал, вздыхал...

Илларион вернулся по-осеннему дождливым днем в конце августа. Радости Джека не было конца! Он носился вокруг с торжествующим лаем, бросался лизать Иллариона в лицо — весь плащ покрылся отпечатками лап, брюки забрызгались мутной водой из луж, но хозяин не обращал внимания на это, а только подзадоривал пса: «Молодец, Джека, дождался! Теперь на охоту, дружище, на охоту!» И вновь нахлынула счастливая пора утиных зорь, многокилометрового преследования зверя по дремучей тайге, затем по первой пороше, удачных и не очень охот на берлогах, ночевок в затерянных срубах и просто у костра. Им было хорошо, человеку и собаке! Везло Иллариону в тот год — одним из лучших охотников района назвала его местная газета, и директор зверопромхоза лично вручил ему почетную грамоту, в честь Илларион не без основания видел заслугу своего четвероного помощника.

Весной все село устремилось на картофельные поля. Работать приходилось много, из-за дождей все старались успеть посадить картофель пораньше. Руки людей впервые после долгой зимы погружались в теплую, согретую майским солнцем землю и обновляли ее, готовили к новому урожаю. Илларион от зари до зари работал в поле, отложив охоту до осени.

В трудах и заботах прошел июнь. Как-то Илларион возвращался с поля под вечер, работы по дому предстояло немало и он спешил до темноты успеть все сделать по хозяйству. Обычно встречающий его повизгиванием Джека не появился, это удивило Иллариона. Но заботы временно отодвинули мысли о собаке — нужно было надеть хомут на шею поросенка, копавшего овощи в огороде, подправить крышу сарая, протекающую при каждом дожде, найти ушедшую слишком далеко лошадь, да мало ли дел найдется у человека, живущего вдали от больших городов. «Наверное, гоняет где-нибудь по лугам с другими собаками... — предположил Илларион. — Ничего, вернется позднее. Джека не пропадет». Уставший за трудовой день, он прилег на топчан и тотчас же забылся крепким сном.

Отсутствие собаки и утром насторожило охотника: «Неужто что-то случилось?» Предчувствие необъяснимой беды не покидало его, собирало тяжелые мысли.

За день до случившейся беды волки зарезали трех коз около соседнего села и, насытившись одной, бросили остальных на поляне перед лесом. Озлобленный хозяин схватил ружье и стал в неистовстве метаться по лесу, надеясь отомстить головорезам. Но волки оказались хитрее, и след их давно проплыл...

Волки здесь появлялись изредка и, появившись, исчезали, обязательно оставляя после себя следы расправы над домашними животными, редко их видевшими, но выследить и наказать хищников не удавалось никому. Усталый и злой владелец коз вернулся домой, решив поутру устроить засаду около останков козы. Так он и сделал.

Джека с двумя другими собаками ревился в лесу неподалеку от села, как вдруг одна из собак выгнала зайца и с залившимся лаем погнала его. Пес знал, что Илларион работает на поле и в нужный момент не подстережет выгнанного зайца с ружьем, но задор молодых собак подхлестнул его погонять «косого» по раздолю еще не скошенных июльских трав, и пес устремился за ними. Заяц быстро оставил преследователей позади и после нескольких кругов затаился в колючем малиннике. Джека распутал пару хитроумных уловок «косого», и тут его внимание привлек посторонний запах, похожий на собачий, но более дикий, таежный.

Джека не раз видел следы и остатки пиршества волков, но самих серых разбойников — никогда, уж больно скрытно они жили и появлялись внезапно. На растерзанный труп козы Джека наткнулся в сотне метров от начала волчьей тропы, потом клочки шерсти и кровь довольно ясно отметили продолжение трагедии. Безнаказанность волков позволила им расправиться со своими жертвами поодиночке, не спеша, последняя коза лежала уже с едва надкусенным горлом в нескольких метрах от окончания леса, далее до самого села простиралось открытое поле. Джека подбежал к козе, крупные следы матери-волка четко отпечатались на глинистой почве. Шорох в ветвях стоящей рядом березы насторожил его, взгляд скользнул по ветвям... Человек, сидевший в развилке двух стволов старой березы, целил в Джека из двустволки. Прямо в глаза собаки смотрели вороненые стволы ружья. Почувяв недоброе, пес в последний момент отрыгнулся в сторону — выстрел разорвал утренний туман и вместе с ним тишину первого июльского утра.

Картечина едва коснулась шерсти на голове Джека. Пес понял: только ноги спасут его. В несколько прыжков преодолев остаток леса, он вырвался на поляну. Но второй ствол сделал последний прыжок роковым, всего две картечи настигли Джека в прыжке... Одна ранила его в бедро, другая попала в живот.

Сгоряча пес пробежал несколько метров, споткнулся, лег, почувствовал резкую боль... Ничего, скоро придет Илларион и уйдет эта боль. Илларион всегда умел сделать так, чтобы она ушла. Ког-

да Джека искусили осы, Илларион два часа вытаскивал их жала, и боль ушла, боль уходила вместе с вытаскиваемой из лапы занозой, скорей бы он пришел. Непоколебимая вера в могущество друга не оставляла Джека в эти предсмертные минуты. Он попытался залаять, но из пересохшего горла вырвалось подобие визга, нестерпимо жгло в желудке...

Человек, стрелявший с дерева, только несколько минут спустя заметил, что на поле лежит не волк, впрочем, подобная ошибка его особенно не взволновала. «В прошлом году похожая собака едва не задавила в моем дворе гусей. Распускают где не надо собак, чертова охотники!» — с тем и удалился он, прогнивая на чем свет стоит волков и собак.

Беспокойство Иллариона нарастало. Придя на поле, он даже забыл, зачем сюда пришел. Тревожные мысли терзали его, лопата не слушалась рук. Кто-то из односельчан окликнул его:

— Эй, Илларион! Ты чего не здоровашься? Или не проснулся еще?

— Ты собаку не видел, Иван? — Илларион оперся на лопату.

— Джека, что ли, твоего? Не-е-е, не попадался. Сыпал, волки снова пришли? Говорят, в той стороне, — Иван указал на спускающийся с сопки лес в двух километрах от села, — волки три козы зарезали.

Илларион давно собирался всерьез заняться волками, но все как-то находились другие неотложные дела. Теперь же он почувствовал незримую взаимосвязь между нападением серых хищников и пропажей собаки.

В обед Илларион вернулся домой — Джека не было! Он снял со стены ружье и двинулся по направлению к лесу. Пройдя минут пять вдоль стены деревьев Илларион выстрелил вверх. Прислушался. Тихо. Прошел немного, посвистел. Тайга мрачно смотрела на человека и также молчала...

Илларион бродил по подлескам и оврагам несколько часов, стрелял, наконец вышел к подлеску, где лежала злосчастная коза. Здесь он постоял некоторое время, рассматривая следы волчьего пиршества. Зарядил последний патрон и выстрелил...

Сквозь туман беспамятства Джека услышал выстрел друга, и жизнь, чуть теплившаяся в нем, подняла тяжелую голову. Слабое повизгивание донес-

лось до охотника. Илларион в несколько мгновений, перепрыгивая кусты багульника, достиг места, откуда послышался визг. Все было ясно без слов — помочь друга запоздала... Джека почувствовал его теплую руку. Илларион пробовал приподнять собаку, но только ухудшил ее состояние — пес взвизгивал от резкой боли. Тогда охотник сорвал с себя рубашку и побежал в лес, разгреб в небольшом овражке землю и намочил рубашку в слабо пробивающемся сквозь почву ключике.

Джека с наслаждением глотал воспаленным нутром тоненькую струйку воды, выжимаемую Илларионом из рубашки. «Хозяин пришел — охота не кончилась! Все будет хорошо». Илларион склонился ниже и положил голову на шелковистую шею Джека.

Вначале Илларион предположил: во всем виноваты волки, но вскоре отбросил эту мысль, так как заметил четкие следы картечи на ноге и животе собаки. Все ясно! Илларион поднялся и шагал по направлению к селу, к хозяину коз. В нем все кипело. Почему, почему стреляли в собаку? За что? Казалось, встретился бы ему тот, кто это сделал и... пальцы судорожно сжали ложе ружья.

Большие тесовые ворота преградили дорогу. Илларион ударил в них несколько раз кулаком. Во дворе заворчала собака, скрипнула дверь дома и к воротам не спеша разполыпалася полная женщина, видно, жена хозяина дома. Илларион не знал ни хозяина, ни его семьи — люди в селе переехали недавно из окрестного хутора. Старался держаться повежливее:

— Здравствуйте! Где хозяин? Его можно увидеть?

Женщина, не спеша разглядывавшая его, немного побледнела при виде ружья за плечом Иллариона.

— Николай, что ли? — Она старалась держаться как можно более непринужденно. — В город поехал. Председатель вроде послал... части какие-то нужны.

От Иллариона не укрылось промелькнувшее выражение испуга на лице жен-

щины. «Врет она все, ясно — дома хозяин!» Охотник уверенно отстранил ее и широкими шагами пересек двор. Даже сидящая на цепи собака, увидев такую решительность, не посмела кинуться на него. Илларион распахнул дверь в дом — никого. Взгляд остановился на двуствольке, висящей на ковре над кроватью. Патронташа не видно. В тот же миг в комнату вихрем влетела рассерженная хозяйка:

— Вы кто такой?! Я сейчас милицию позову! Как вы посмели?! — завопила она, срывааясь на визг.

Но подоконнике Илларион заметил штук пять патронов шестнадцатого калибра, два — заряженных пулями, один — картечью, остальные — пустые. Это обстоятельство еще больше уверило его в том, что виноват во всем хозяин коз, но тот заглавоременно скрылся, и Иллариону ничего не оставалось, как покинуть злополучный дом. «Ну, погоди, козлятник! Все равно вернешься в село!» Зло сплюнув, охотник возвратился в свой дом, показавшийся ему каким-то чужим и неприветливым...

Как нарочно в лесу в тот день комары и жара царствовали над всем остальным, а тропа все круче забиралася вверх. Сейчас небольшой глоток воды... трудно, тяжело, невыносимо горько! Ну, ничего, стерпишь, ты должен донести друга к последнему пристанищу на вершине горы. Скользят ноги по осыпи.

Как же так, Илларион? Почему не уберег Джека? Видимо, умирая, он верил: ты спасешь его, ждал тебя, как всегда в тяжелые минуты, когда ты уезжал или уходил не надолго. Глаза пса сверкали при одном упоминании об охоте. «Вперед, Джека, на охоту!..» И радости не было конца, и весь воздух наполнялся азартом охоты, и пела земля, и деревья не били по лицу ветками, как сейчас. Деревья ласково принимали тебя и собаку под свои своды, и вечер, и утро, и погоня проносились мгновенным вихрем, и тропы не становились такими крутymi.

Каменистый «пятачок» на вершине, с востока окаймленный кустами стланика, привлек внимание Иллариона. С запада и юга открывалася большая панorama заснеженного станового хребта, сверкающего далекими глетчарами и контрастными на фоне снега скалами. Ты останешься здесь, Джека, с этими горами, тайгой, голубым небом, а я спущусь один, впервые за последние годы... и охотник опустил на землю свою тяжелую ношу, вытащил небольшую саперную лопатку и стал долбить каменистую почву «пятачка». Ничего не выходило. Камни не позволяли углубляться, и тогда Илларион стал вытаскивать их руками.

Прошло много времени, прежде чем яма достигла полуметра. Срезав ножом несколько веток стланика, охотник застелил ими дно ямы и осторожно опустил Джека, последний раз провел рукою по его бархатистым ушам: «Прощай, дружище!»

Долго не смолкало в горах эхо шести выстрелов...

Рисунки Б. Игнатьева

Русские писатели-охотники

Николай Алексеевич Некрасов

1821-1877

Н.А. Некрасов. Художник И.Н. Крамской

Литературный критик А. М. Скабиевский не был охотником, а потому, побывав в гостях у Н. А. Некрасова, очень удивился и в тот же вечер написал о своем визите к поэту: «Вошедший к нему в квартиру, не зная, кто в ней живет, ни за что не догадался бы, что это квартира литератора, и к тому же певца народного горя. Скорее можно было подумать, что здесь обитает какой-то спортсмен, который весь ушел в охотничий промысел. Во

всех комнатах стояли огромные шкафы, в которых вместо книг красовались штуцера и винтовки. На шкафах — чучела птиц и зверей. В приёмной же комнате на видном месте, между окнами, стояла на задних лапах, опираясь на дубину, громадная медведица с двумя медвежатами, и хозяин с гордостью указывал на нее как на трофеи одного из своих самых рискованных охотничий подвигов».

Николай Некрасов родился в 1821 году в Подольской губернии, но детство провел на Волге — в отцовском имении Гречнево под Ярославлем. Его отец Алексей Сергеевич, отставной майор, отличался буйным нравом, любил «строить в шеренгу» всех домашних и челядь, одно время по склонности характера даже служил исправником и чинил следствия по уголовным делам. Отец жил широко и бестолково, в доме часто стоял дым коромыслом: грандиозные попойки с песнями, плясками и девками, толпящиеся у стола закадычные дружки-охотники и повари. Красивая и образованная мать — Елена Андреевна (урожд. Закревская) безропотно сносила загулы и глумление мужа, но маленькому Коле Некрасову несчастливый брак родителей нанес незаживающие раны. Душа его разрывалась от нежной любви к матери и страха перед отцом, смешанным со скрытым восхищением стихийной мужской силой:

...Но первые шаги не в нашей власти!
Отец мой был охотник — и игрок.
И от него в наследство эти страсти
Я получил, — они пошли мне впрок.
Не зол, но крут, детей в суровой
школе

Держал старик, растил,
как дикарей.
Мы жили с ним в лесу да в чистом
поле,
Травя волков, стреляя глухарей.

Начальной грамоте будущий поэт учился у ярославских семинаристов и уже в 6–7 лет начал сочинять стихи. В 1832 году он поступил в ярославскую гимназию, но предпочитал занятиям игрой на бильярде. Отец не желал регулярно вносить плату за обучение сына, тот совсем отился от рук, — в 5-м классе был отчислен из-за хронической неуспеваемости и целый год провел в праздном безделье, укрываясь от семейного раздражия на охоте, захватившей его без остатка. С самого раннего детства отец приучил его к верховой езде, учил так, что мальчик за день падал из седла на землю 20 раз, зато до конца своих дней мог ездить на любой лошади, ездить не для прогулок, а именно на охоту, — другого времязпровождения в деревне он не признавал. Его сестра А.А. Буткевич после смерти поэта вспоминала: «Брат мой всю жизнь любил охоту с ружьем и легавой собакой. Десяти лет он убил утку на Пчельском озере: был октябрь, окраины озера уже заволокло льдом, собака не шла в

воду. Он поплыл за уткой сам и достал ее. Это стоило ему горячки, но от охоты не отвадило... Он говорил, что самый талантливый процент от русского народа отделяется в охотниках: редкий раз не привозил он из своего странствия какого-нибудь запаса для своих произведений...» А о своем якобы безрадостном отрочестве поэт в последние годы жизни написал не без бравады так:

...В пятнадцать лет я был вполне воспитан,
Как требовал отцовский идеал:
Рука тверда, глаз верен, дух
испытан,

Но грамоту весьма нетвердо знал.

И я таким остался до седин

(Мне грамота потом далаась однако),

Мой лучший друг — легавая собака,

Да острый нож, да меткий карабин.

И всё же жизнь в имении и отцовский деспотизм тяготили молодого Некрасова. В семнадцать неполных лет он «надул отца притворным согласием поступить в Дворянский полк» и с тетрадкой собственных стихов отправился покорять поэтический Петербург. Отец, узнав о коварстве сына, отказал ему в какой бы то ни было помощи и надолго предал анафеме. И тогда Некрасов «дал себе слово не умереть на чердаке»: живя впроголодь, за копейки сочиняя письма для неграмотных просителей, занимался изнурительным репетиторством. Две попытки поступить в университет из-за провалов в образовании закончились крахом. Биографы считают, что этот период жизни Некрасов провел «на дне» и в страшных мытарствах, однако с этой версией не вяжется тот факт, что уже в начале 1840 года якобы нищий провинциал, одетый едва ли не в рувище, заявляется прямо с улицы не к кому-нибудь, а к воспитателю будущего Императора Александра II, аристократу и эстету В.А. Жуковскому. Стихи Некрасова (сборник «Мечты и звуки») Василию Андреевичу не понравились, а язвительный критик С.П. Шевырев молодого стихотворца зарезал без ножа: «...где это сочиняют? В Пекине, на островах Сандвичевых?» Но поэта Некрасова убийственные отзывы стаиков не уничтожили, — к тому времени он уже вращался в молодежном кругу И.И. Панаева, Д.В. Григоровича и В.Г. Белинского, а редактор «Литературной газеты» Ф.А. Корш тут же предложил по этому месту своего помощника. Хваткий до живого дела Некрасов быстро разбрался в издательской механике и через несколько лет затеял издание собственного развлекательного альманаха, чем победил свою бедность и растопил гнев отцовского сердца.

Звездный час Некрасова-издателя пробыл в 1847 году, когда он уговорил И.И. Панаева выложить круглую сумму для «оживления» журнала «Современник». Панаев, любивший щегольнуть своими барскими замашками, согласился и вместе с деньгами «отдал» приятелю собственную жену Ав-

дотью Яковлевну, что никак не повлияло на успех предприятия, скорее — ему способствовало. Под крышу «Современника» Николай Алексеевич собрал писателей и поэтов, чьё творчество теперь называют «золотым веком» русской литературы: Толстой, Белинский, Тургенев, Герцен, Островский, Гончаров, Фет, Тютчев... Любопытно, что корифеи «золотого века» если не поголовно, то через одного ходили в заядлых охотниках. А ведь был еще и второй ряд ныне забытых писателей-охотников из круга «Современника»: Е.Э. Дриянский, Н.А. Основский, Н.Н. Воронцов-Вельяминов, Н.Н. Толстой...

Отец поэта, давно простиивший своего отпрыска, не без ликования следил за его поэтическими и, особенно, финансовыми победами. С начала 1850-х годов сын наладил барский быт: зима — в Петербурге, часть весны и лето — на даче в Парголове. Отец не возражал против приобретения сыном недвижимости, больше того, — в приступе то ли любви, то ли давней вины передал сыну во владение одну из своих «заначек»: имение в сельце Алешино, затерянное в Муромских лесах на Владимирщине. Но даже в кошмарном сне Некрасову-старшему не могло присниться, что сын не приедет в родное гнездо на охоту. И сын до самой смерти отца в 1862 году ездил в Грешнево. Каждый год. Псовую охоту — гордость отца, помимо собак, обслуживали два десятка доезжачих, борзятников, выжлятников, псарей и стремянных, и Алексей Сергеевич, заманивая сына домой, непременно сообщал ему в письмах душепитаельные для всякого охотника новости: «Охота шла довольно хорошо,

зайцев по 15 ноября затравлено 634, лисиц три, барсук один»; «Борзых у нас 20, гончих 24, те и другие отличные».

Сохранилось интересное свидетельство сестры поэта А.А. Буткевич, что «отец брал его на псовую охоту, но он ее не любил...» Вряд ли этот упрек справедлив, потому что Некрасов посвятил псовой охоте веселые стихи («Нет нам запрета по чистому полю — тешить степную и буйную волю») и даже одноименную поэму. В советское время поэме «Псовая охота» прилепили ярлыки «антикрепостническая» и «обличительная», хотя по своему духу и ритму она скорее схожа с гимном, воспевающим удаль, размах и красоту России и русской души. Даже в прозаическом письме поэт обмолвился о псовой охоте так: «Сколько во всем этом поэзии — не той пересаженной поэзии, которой веет на нас «лукавый запад», но настоящей, чисто славянской!» Как всё-таки быть с утверждением сестры? Дело в том, что Некрасов, став горожанином, просто не мог сдержать псовую охоту — помещичью забаву. А еще долгие годы в нем жила картина из детских лет, когда отец во время охоты жестоко наказал виновного в каких-то прегрешениях доезжачего. После этого случая отец дал зарок не выпускать руки, но память сына навсегда связала псовую охоту с агрессией отца, который к тому же считал ружейную охоту сына лакайской и низкой, потому что в те годы дичь к барскому столу поставляли крепостные крестьяне или немцы-губернера. Правда, наверное, крылась в том, что Некрасову, любившему псовую охоту, не хотелось участвовать в ней вместе

Писатели журнала «Современник». Слева направо внизу: Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович, И.И. Панаев; вверху: И.С. Тургенев, В.А. Соллогуб, Л.Н. Толстой. Литография В.Ф. Тима. 1857

с отцом, которому он всё же посвятил такие строки:

Дорога моя забава,
Да зато и веселит;
Об моей охоте слава
По губернии гремит!

С детских лет, скрываясь от грозовой домашней атмосферы в поле или в лесу, Некрасов привык охотиться в одиночку и большие компании не жаловал, даже на опасной медвежьей охоте, к которой пристрастился уже в зрелом возрасте («Весело бить вас, медведи почтенные...»). Егерь-медвежатник П.С. Орлов рассказывал: «...прямо душа у него таяла, когда на медведя шел...» В те годы крестьяне Петербургской и Новгородской губерний медведей стреляли редко, предпочитая продавать найденные в лесу берлоги богатым барам-охотникам. А. Я. Панаева вспоминала, что «...сборы были большие, когда Некрасов ездил на медвежью охоту. Везлись запасы дорогих вин, закусок и вообще провизии; брался повар Василий, складная постель, халат, туфли». Николай Алексеевич не зря так обстоятельно готовился охотам на берлогах, — удача отворачивалась от него редко, а в марте 1865 года он за день добыл сразу трех медведей. Мужиков-медвежатников Некрасов очень ценил, посвящал им стихи. Остался в поэзии Савушки, «сплюшавший на сорок первом медведе» («В деревне»), Савелий из «Кому на Руси жить хорошо»:

Нас только и тревожили
Медведи... да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» — кричу.

Обилие птицы и зверя в некрасовские времена давало охотникам богатый выбор, но поэт всегда предпочитал пернатую дичь. Даже если его спрашивали о любимом времени года, он шутливо сводил разговор на охоту: «Я люблю осень за то, что можно стрелять дупелей и — что еще уладительнее — есть их». Пристрастие его к хождению по болотам с ружьем не знало границ. Актер и писатель И.Ф. Горбунов одно лето провел с Некрасовым на Волге и позже рассказывал, что они выходили на охоту с восходом и возвращались около полуночи. А неутомимому ходоку Некрасову — хоть бы что: «Опять я в деревне. Хожу на охоту, пишу мои вирши — живется легко».

Знакомство Некрасова с Тургеневым восходит к первой половине 1840-х годов, поре их романтической молодости. Потом было сближение в «Современнике», но на «ты» они перешли именно как охотники, а не литераторы. Их письма друг другу иногда больше похожи на охотничьи депеши с дотошными подробностями всех перипетий охоты, количеством убитой дичи и работой собаки. Каково же Тургеневу — «первому охотнику Рос-

сии» — было читать нарочито будничные охотничьи отчеты Некрасова: «Воротился с охоты, которая была очень удачна... в первый день — убил 32 зайца»; «...в мае месяце убито мною 163 штуки красной дичи».

Наибольшее количество документов сохранилось о совместной охоте двух приятелей в сентябре 1854 года, когда Некрасов приехал к Тургеневу в Спасское-Лутовиново. «Попотчевать» гостя богатой охотой хозяину не удалось, — стояли морозные дни, птицы было мало. У Некрасова уже давно болело горло, он почти потерял голос, и на одной из охот от него убежал приставленный к нему мужик-проводник. Тургенев, обеспокоенный тем, что его друг заблудится в угодьях, накинулся на мужика: «Как ты мог бросить моего товарища?» Тот отвечает: «Какой там товарищ, да это сам бес! Уж как зашипел он на меня, как зашипел, как гусак, ажно под животиками подвел!» Тургенев сильно переживал из-за нескладной охоты и плохой работы собак (обещал-то золотые горы), но Некрасов успокаивал его как мог, говорил, что тургеневский пёс походит «лицом» на Вальтера Скотта, и Тургенев, остыл, соглашался, что «действительно, у собаки, удивительно умная голова». Много разговоров велось о «несомненно благотворном влиянии охоты на здоровье и настроение», но Некрасов так и уехал из Спасского с больным горлом и промучился с ним еще два года, а Тургенев остался в усадьбе и впал в глубокую хандру.

Переписка поэта с писателем прервалась в 1861 году. В последнем послании за границу Некрасов признается Тургеневу, что по-прежнему его любят и за многое благодарен и тут же просит по старой дружбе купить для него в Лондоне или Париже ружье Ланкастера за 500 рублей. Тургенев на письмо не ответил и ружье Ланкастера Некрасову не купил, — на многолетней дружбе был поставлен жирный крест. Причиной тому были не только идейные или литературные разногласия. В своё время жена поэта А. Я. Панаева ввязалась в тяжбу о наследстве бывшей жены Н. П. Огарева и вела дело не совсем бескорыстно. Суд винил Панаевой иск, и Некрасов, заплатив 50 тысяч рублей, сохранил честь Авдотьи Яковлевны, но его собственная репутация пошатнулась. Тургенев же, вызнав у Огарева в Лондоне все хитросплетения темного дела из первых рук, все отношения с Некрасовым порвал.

В конце 1850-х годов Некрасов-издатель уже основательно разошелся со своими старыми друзьями (не только с Тургеневым, но и с Толстым и Островским) и оседлал свежую демократическую волну, исходившую из стана Чернышевского-Добролюбова. «Разгул» демократии закончился сначала временным, а затем и окончательным закрытием «Современника» летом 1866 года. Казалось, Некра-

сова навсегда отлучили от журналистики, но уже через полтора года он берет в аренду у Краевского журнал «Отечественные записки» и редактирует его до своей кончины. Откуда у властей предержащих такая терпимость к поэту с литературным топором за поясом? Надо вспомнить, что Некрасов, разбогатев, стал членом Английского клуба, завсегдатаями которого были не только богатые лоботрясы, но и сановные персоны. В Клуб привели Некрасова честолюбивые амбиции и болезненная тяга к игре, последствия которой оказались непредсказуемыми. Картежником поэт слыл отчаянным и безмерно везучим, — он выигрывал баснословные деньги (до 250 тысяч рублей) и даже поместья. Надо полагать, что кое-кто из влиятельных особ, продувшись в карты, был не прочь замолвить нужное словцо и похлопотать за опального поэта.

В биографии Николая Алексеевича есть и малоизвестная страница о его дружбе с тайным советником (в военной иерархии — генерал-лейтенантом) В.М. Лазаревским. Этот благородный господин занимал должность начальника Главного управления по делам печати и был на короткой ноге (хотя и в подчинении) с всесильным министром МВД А. Е. Тимашевым. Некрасов, отличавшийся дипломатическими способностями и деловой хваткой, из дружбы с Лазаревским извлекал прямую выгоду и не раз пользовался его покровительством в своих издательских и литературных делах. Тщеславному Лазаревскому льстило тесное знакомство со знаменитым поэтом, но еще больше их сближала охотничья страсть. В 1868—1874 годах Лазаревский на паях с Некрасовым арендовал волховскую пойму под Чудовом, и ежегодные совместные охоты сблизили их до такой степени, что они одолживали друг другу солидные суммы денег. Чудовская забава обходилась Некрасову до 3 тысяч рублей в год, но именно охота стала причиной того, что компании рассорились в пух и прах. Оба могли простили какие угодно взаимные прегрешения и несносность характеров, но размолвка произошла из-за пустяка: в общих охотничьих угодьях появились нежелательные приятели и тайного советника, и поэта.

Огромное имение князя М.Н. Голицына (ум. 1827) в селе Карабиха Ярославской губернии пустовало почти тридцать лет и пришло в запустение. В декабре 1861 года Н.А. Некрасов купил усадьбу, с помощью брата привел ее в порядок и открыл школу для крестьянских детей. Самому поэту заниматься Карабихой было недосуг, он зачалил в заграничные вояжи с французской актрисой Селиной Леффрен. Но...

В Европе удобно, но родины ласки
Ни с чем не сравнимы. Вернувшись
домой,

В телегу спешу пересесть
из коляски
И марш на охоту!

Так и чудится: вальдшнеп уж тянет,
Величаво крылом шевеля,
А известно — как вальдшнеп

потянет,

Так потянет и нас в лес, в поля...

Некрасов теперь и впрямь непременно, каждое лето возвращался вместе Грешнева в полюбившуюся ему Карабиху. В 1870 году его последней музой стала Фекла Анисимовна Викторова, нареченная Некрасовым на благородный лад Зинаидой Nikolaevной. Случайно или нет, но двадцатипятилетняя жена Николая Алексеевича пристрастилась к охоте и стала настоящей амазонкой. Она сама седлала лошадь и ездила на охоту в рейт-фраке и брюках в обтяжку на манер наездницы, на голове — циммерман. Вид этого костюма на молодой осанистой женщине, ружье в ее руках и любимый черный пойнтер Кадо у ног красивой лошади приводили Некрасова в такой восторг, что он хватался за перо. Есть стихи, посвященные Зинаиде Nikolaevне и лошади, есть стихи, посвященные собаке:

Когда Кадо бежит опушкой леса,
И глухаря нечаянно спугнет,
На всем скаку, остановив Черкеса,
Спуши курок — и птица упадет.

Охотничья песня Некрасова обервалась, когда Зинаида Nikolaevна во время охоты на Чудовском болоте случайно застрелила Кадо. Поэт долго рыдал над бездыханным телом своего верного друга, поставил на могиле Кадо мраморную плиту с эпиграфом и навсегда повесил ружье на гвоздь, отдав охоте 43 года своей жизни. Если Тургенев и Аксаков написали «Записки охотника» в прозе, то некрасовские «Записки охотника» облечены в поэтическую форму в стихах и позмах: «На Волге», «Деревенские новости», «Крестьянские дети», «Дедушка Мазай и зайцы», «Горе старого Наума», «Медвежья охота», «Коробейники», «Псовая охота» — все не перечесть.

Без охоты Николай Алексеевич Некрасов прожил совсем недолго — около двух лет. На похоронах Ф.М. Достоевский сравнил Некрасова с Пушкиным, но молодые нигилисты закричали: «Он выше Пушкина!» Выступали и другие ораторы, среди которых зачем-то очутился Г.В. Плеханов.

Далекий от социалистов и революционеров писатель П.Д. Боборыкин на похоронах, кажется, не был, но вот что ему запомнилось в живом Некрасове: «Никто бы, взглянув на него иной раз за три, за четыре года до смерти в пасмурный день, когда он весь гнулся и морщился, никто, говорю я, не зная его лучше, не поверил бы, что этот человек мог в тот же день отправиться на охоту и пробыть десять-двенадцать часов кряду под дожем и снегом».

М. БУЛГАКОВ

Н. Некрасов Псовая охота

Провидению угодно было создать человека так, как ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот: иначе, в уединении, грубоет нрав и вселяются разные пороки.

(Реутт, Псовая охота.)

1

Сторож вокруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонят,
По полю листья — и жалобно стонет...

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все — до грудного
мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Движутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит — седлай поскорей!

В синих венгерках на заячих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть — молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сюртуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь — загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,
Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным
взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка издохла, в забойке Набат,
Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,
И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

П. Соколов. Борзятник. 1869

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп¹ скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» — ребята кричат...

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу под горою бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнестой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники, — крикнул помещик, —
набрось!»

Борзовщики разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В остроме скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ёму, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! — ту!-ту!!-ту!!!»
Вот и нашли — залились на следу.

Варом-варит закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопомётников лай музикальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Олекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле...
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

¹ Очеп — снаряд особого устройства, с помощью которого в некоторых деревнях достают воду из колодца, что производится с раздирающим душу скрипом.

В бурных движеньях — величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти,

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилось в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за миллионы не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа — ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж,
как не в буре
И развернуться славянской натура?)

Зверь отседает, — и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали — он дико кричит.
Мигом отпазончил, сам торочит,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свирап и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угар и Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скакет на крик,
Струсиш — и валится в ноги мужик.

Барин отъехал — мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетним дубьем,
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рыбчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псы
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псы — и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину.
Красное солнце зашло в половину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе через мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши²:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарай...

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарай!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело — скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмешая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

Дедушка Мазай и зайцы

Н. Некрасов. Дедушка Мазай и зайцы.
Худ. Дм. Шмаринов

1

В августе, около «Малых Вежей»
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной... Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять:

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка — заяц уходит...

Дедушка пальцем косом грозит:
«Врешь — упадешь!» — добродушно

кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

² Тявкуша — то же, что гончая, иногда также называются выжлецами.

Сидет за кустом — тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит — и грят!

Ходит с ружицком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
— Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,
Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею
Да уж потом и палю по злодею!

«Вот так охотник!» — Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

2

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, — их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гибнут,
Нет! еще мало! бегут мужики,
Лсяят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал — их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собирались гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверкам; уж под ними
осталось

Меньше аршина земли в ширину,
Меньше сажени в длину.

Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: «Прыгайте сами!»
Прыгнули зайцы мои, — ничего!

Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой!
«То-то! — сказал я, — не спорьте
со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишка на пне,
Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его — тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста, как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно дрожала... Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
«Взял бы я вас — да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —

Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок...
Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишк:
«Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы из деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились.
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:
Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил — и «с богом!» сказал...

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им: «У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А, чур, зимой
Не попадайся!
Прицелься — бух!
И ляжешь... Ууу-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,

Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал — и домой приволок;
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул — и дали стречка!
Я проводил их все тем же советом:

«Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом:
Шкура плохая — линяет косой...»

Н. А. Некрасов. 1860-е гг.

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Калякин М.В., Волцит О.В.
Птицы Москвы и Подмосковья. Ат-
лас. — Москва-София: Pensoft, 2006,
372 с.

Атлас «Птицы Москвы и Подмоско-
вья» — уникальный справочник-фо-
тоальбом птиц нашего региона. Бол-
ее 900 фотографий птиц, сделанных
лучшими фотомастерами, позволяют
вам полюбоваться этими необыкно-
венно красивыми созданиями и на-
учиться различать их в природе. Кро-
ме того, в Атласе собраны карты, на
которых показаны места встреч 273
гнездящихся, пролетных или зимую-
щих видов птиц, отмеченных в Мос-
кве и Московской области за пери-
од с 1999 по 2004 гг., приводятся
краткие очерки с описанием харак-

тера и сроков их пребывания в сто-
лице и области.

Книгу можно приобрести в Зоопо-
гическом музее МГУ по адресу: Мос-
ква, Бол. Никитская ул., 6, отдель-
ный вход на выставку «Бабочки ми-
ра». Тел. для справок: 629-54-86.
Цена — 1200 руб. У авторов книги
можно приобрести за 1000 руб., тел.:
629-59-82.

Корытин С.А. Четвероногие ум-
ницы. М.: Издательство «Софийон»,
2008, 224 с.

В этом сборнике коротких рассказов
о животных читатель найдет замечательные примеры проявлений
их ума и других, казалось бы, только
человеческих качеств. Автор — уче-
ный, охотовед, страстный охотник и
большой любитель животных. Эта
книга доставит удовольствие каждо-
му, кто любит природу.

Итоги Общероссийских Дней за-
щиты от экологической опасности
в 2006 году и задачи на 2007 год /
Вестник Общероссийского органи-
зационного комитета Дней защиты
от экологической опасности № 43. /
Под общ. редакцией И.Ф. Барышпо-
ла. — М.: 2007. — 236 с.

В этом 43-м издании сохраняется
ранее опробованный принцип подве-
дения общего итога по субъектам
Российской Федерации на конкурс-
ной основе с присуждением им при-
зовых мест.

В отобранных для публикации ма-
териалах предпринята попытка вы-
делить и поддержать новые наработки
активистов движения, избранные
ими формы и методы организации
работы, отображения ее результатов
и их раскрытия в материалах отчетов
и предложений.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ, ДРУЗЬЯ!

Подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство» на 2009 год начинается с 1 сентября 2008 г.

Индексы: 70673 на полгода и 72376 на год по каталогу Роспечати

Заразаем?..

Николай СТАРЧЕНКО. Фото автора

Сжимается сердце при виде развалин родного дома Н.А. Зворыкина...

Продравшись в высоких охотничих сапогах по узкой и топкой перемычке сквозь густую, полёглую траву и замеревшую, полутораметровую крапиву, между двумя почти заросшими, заболоченными прудами, мы выбрались, наконец, на взгорок перед бывшей усадьбой.

Всё это августовское утро, на открытие охоты, я не столько думал об утках — впрочем, редко налетавших, — сколько о том, что всего в полверсте отсюда — родной дом Николая Зворыкина, что все места тут кругом им исхожены вдоль и поперёк, изъезжены на санях и телегах, ярко отражены в его произведениях.

Я приехал сюда накануне вечером, а в четверье утра мы уже отправились на утиную зорьку. С нетерпением дождался её окончания, упросил своего спутника, местного эколога и охотника Вячеслава Крылова, иди поскорее и направьки, так как начал накрапывать

дождь. И вот выбрались на просторный, вольный пригородок, глянул я вперёд — и сжалось сердце... Много-много раз видел я в своей жизни подобную картину на русской земле! Развалины славного былого, заросшие кустами... И особенно обидно, что родной дом замечательного писателя и следопыта Николая Анатольевича Зворыкина (1873—1937), прославившего прекрасными очерками и рассказами свой тверской край, был сожжён то ли по халатности, то ли по злому умыслу не в какие-то там лихие годы революции и Гражданской войны, а уже в 1970-е... Был тут машинно-тракторный стан. Вместо музея. Так уж повелось у нас после революции, что на самых возвышенных, красивых местах, где стояли церкви и усадьбы (часто шедевры архитектуры и садово-паркового искусства), непременно устраивать скотные дворы, мехмастерские, склады с удобрениями и горюче-смазочными материалами...

А был дом Зворыкиных двухэтажный. Деревянный верхний этаж сгорел, а что стало с нижним — вы видите на этом снимке. И как же никто не озабочился в ещё благополучные семидесятые годы судьбой дома, увековечиванием памяти своего выдающегося земляка?

Наверное, здесь будет уместным хотя бы кратко напомнить читателям биографию писателя. Счастливы были детские и отроческие годы Николая Зворыкина в этом доме! А когда ему пошёл четырнадцатый год, родители определили сына в Петербургское училище правоведения, куда принимали детей из древних дворянских родов. После окончания училища в 1895 году начинается недолгая чиновничья служба — до 1901 года, когда Зворыкин оставляет Санкт-Петербург и уезжает в деревню, на родину. Всё свободное время — охоте! Испытанным наставником, а потом другом и помощником в этом деле был у него местный крестьянин Степан Федулаич.

Пробует свои силы Николай Зворыкин в литературе — первые его рассказы появляются в знаменитом журнале «Русская мысль» в 1914 году. Но настоящая известность пришла уже в 1920—1930-е годы — после публикации его рассказов и, особенно, очерков-исследований и монографий. Его книги «Охота на волков с флагами», «Что думал старый волк», «Как определить свежесть следа», «Волк» и другие произведения принесли Н.А. Зворыкину заслуженную славу не только среди охотников-следопытов и учёных-биологов, но и среди самого широкого читателя, любителя родной природы. Нелишним будет заметить, что неутомимая деятельность Зворыкина по истреблению расплодившихся в 1920-е годы волков, наносящих огромный ущерб животноводству, была для него своего рода охранной грамотой — власти не тронули бывшего помещика, родовитого дворянина. Хотя из родного дома и выселили...

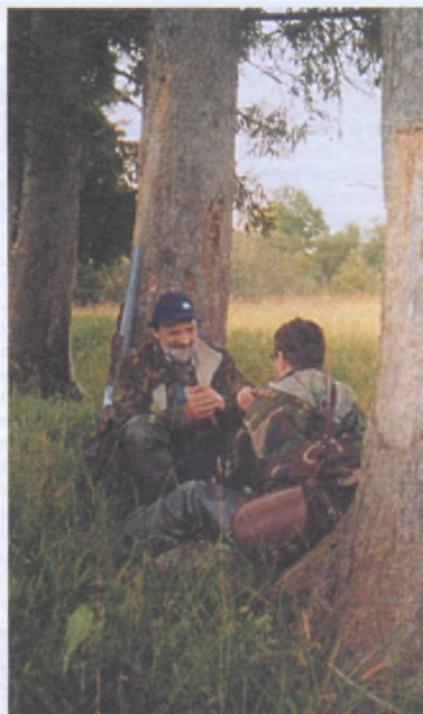
В наши дни произведения Н.А. Зворыкина переживают поистине второе рождение, их активно переиздают многие издательства. Так не пора ли отчислять средства на создание музея столь востребованного и популярного автора? Надо сказать, что совсем недалеко от родного дома Зворыкина, в двух десятках километров, находится Калининская атомная станция, способная, на верное, помочь средствами в таком благом деле.

Причём, в этом доме можно создать музей не только одного Н.А. Зворыкина. Здешняя земля (нынешний Удомельский район Тверской области)

славна ещё и тем, что тут подолгу жили и создавали свои бессмертные полотна наши прекрасные живописцы. Ведь всего в четырёх верстах от Воззивенского, от бывшей усадьбы Зворыкиных, находится озеро Островно, на берегах которого в 1892—1895 годах подолгу жил и работал И.И. Левитан. Именно здесь он написал свою знаменитую картину «Золотая осень». А про соседнее большое озеро Удомля — величественно-философское полотно «Над вечным покоем». Сюда к Левитану в 1895 году приезжал А.П. Чехов. Потом здесь жил и работал живописец и знаток природы В.К. Бялыницкий-Бируля. В 1910—1920-х годах, по свидетельству удомельского краеведа Д.Л. Подушкова, «в Островно и ближайших усадьбах много работали художники Н.П. Богданов-Бельский, К.А. Коровин, С.Ю. Жуковский, А.В. Моравов, А.Е. Архипов, художник-анималист А.С. Степанов, написавший много картин на тему охоты и жизни диких животных. Все художники наряду с живописью были страстно увлечены и охотой. В усадьбе Марьино на озере Молдино проводит лето музыкант В.В. Андреев, проходят репетиции национального оркестра русских народных инструментов. Творческая атмосфера, творческие личности...»

Возродить бы — хотя бы в малой степени — эту атмосферу: восстановить усадьбу Н.А. Зворыкина, открыть в ней музей, проложить сюда туристические маршруты! Но пока...

Пока полное небрежение к судьбе некогда цветущей и плодоносящей земли. Всё быстрее пустеют и умирают де-

В уцелевшей вековой еловой аллее усадьбы Зворыкиных любят отдохнуть охотники...

ревни, всё стремительнее затягиваются чертополохом, бурьяном и кустами уже и последние, остатки островки здешних полей и лугов. Неужели так и дальше будем застарать?..

Почтитель творчества Николая Зворыкина и его земляк, заядлый гончатник Евгений Наливкин

Здесь сеяли и убирали хлеб

Здравствуйте, уважаемый коллектив журнала! Из месяца в месяц мы с отцом ждем и не дождемся очередного номера вашего журнала, и приходит он всегда вовремя, что нас очень радует. Мой отец выписывает его уже четвертый десяток лет, постоянно находит там что-то новое и воплощает это в охоте.

Отец и сын Юматовы, август 2007 г.

Мой отец — Юматов Юрий Игоревич любит разную охоту, но особое место в его жизни занимают гончие. Именно эти милые, добродушные, свободолюбивые собаки вызывают у него особую любовь. Он также держит подсадных уток. Этой «правильной» весеннею охотой на селезней отец заинтересовался давно и достиг в ней немалых успехов. А еще он 30 с лишним лет проработал главным лесничим, отдал лесу лучшие годы своей жизни. И не зря — его лесхоз стал одним из лучших в республике. 25 лет он — председатель охотколлектива, в данный момент работает охотоведом в Лубянском охотничьем хозяйстве. За ак-

тивную борьбу с браконьерами не раз награждался грамотами охотнадзора.

В январе Юрию Игоревичу исполнилось 60 лет. Напечатайте, пожалуйста, нашу с отцом фотографию с пожеланием счастья, здоровья и успехов.

И. ЮМАТОВ
г. Йошкар-Ола

Сергей каждый год заключал договора и занимался капканным ловом. Его путь проходил по квартальным просекам, и на обратном пути он всегда заворачивал на озеро Свара. Там на берегу стоит хорошая избушка.

Вот и на этот раз он возвращался с обхода домой и решил завернуть на озеро, попить чайку в избушке. Подходит и видит, что из печной трубы идет дымок. А в избушке был старый рыбак дядя Веня. Он обрадовался Сергею, помог раздеться, наполнил чаем. Поговорили о том, о сем, но время к вечеру, и Серега засобирался домой. Тут дядя Веня и говорит: «Слушай, здесь до дома недалеко, может, унесешь мой улов? А я еще останусь, уж больно хорошо налиш берет».

Рыбы было килограмма три-четыре, уложили ее в пакет, пакет в рюкзак, попили еще чайку на дорожку... Когда до поселка оставалось не более километра, Сергей вдруг почувствовал удар в спину. Первая мысль — рысы!

Прыгнула с рядом стоящей ели. Резко повернулся — никаких следов. Вдруг в рюкзаке что-то шевельнулось. Что за чертовщина? Снял его и аккуратно стал развязывать шнур. И тут уместно вспомнить кадр из фильма «Бриллиантовая рука», когда Семен Семеных подарил шкатулку с сюрпризом управдому. У на-

шего Сереги реакция была точно такой же, когда из пакета резко выскочила голова килограммового налима.

Оказалось все просто. Налимы были свежепойманными, толком замерзнуть еще не успели, а от тепла Серегиной спины совсем ожили и начали шевелиться. «Хорошо еще, что никто меня не видел, а то на смех бы подняли», — подумал Сергей и двинулся дальше.

А. ОГУРЦОВ
Архангельская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Ваш журнал мы выписываем с 1987 года. Имеем также номера 60—70-х годов, которые остались от свекра. Мой дед также был охотником, он прошел всю войну, после его смерти у нас остались картины на тему охоты. Мой муж Алексей Иванович Бурлаченко работал в

РОВД 15 лет, но лес переманил. Сейчас он работает охотинспектором в обществе охотников. Нашему сыну Евгению 13 лет. Он круглый год с отцом в лесу.

Помню, в первый класс Женя еле проводили, 1 сентября была облава на волков. Муж и сын еле дождались окончания линейки и, не заходя в класс, уехали на охоту. В это лето два Женяки — наш сын и его друг рыбачили на речке Медведице. Сначала глазам не поверили: в мелкую сетку запутался огромный сазан передним плавником. Мальчишки схватили его за жабры и втащили в лодку. Дома взвесили — 10 кг 200 г! Вот и подарок ко дню рождения отца!

Высылаю вам фотографию, сын все торопил: «Пряяви быстрее, никто не верит». Опубликуйте, пожалуйста. Мой Женёк на фото слева.

Г. БУРЛАЧЕНКО
Саратовская обл..

Два Женяки и сазан

ООО «ИСТ ВЭЙ» г. Омск

Закупаем оптом сырье животного и растительного происхождения:

медвежью желчь, рога и панты северного оленя и лося

Рассмотрим любые предложения

8 (3812) 59-49-99; 8 (3812) 59-40-50. E-mail: blinkovaalla@mail.ru

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Семья Мамченковых

Здравствуйте, уважаемая редакция! Большое хобяйство у нашего отца Мамченко Анатолия Алексеевича, оно отнимает у него очень много времени. Тем не менее он находит возможность выбраться на охоту, пообщаться с природой, послушать музыку гона. Он был и остается страстным охотником и прекрасным семьянином. Именно он открыл нам, его детям, мир охоты и природы, за что ему особая благодарность.

В октябре у Анатолия Алексеевича день рождения, мы желаем ему крепкого здоровья, долгих лет жизни, неиссякаемой энергии и «Ни пуха, ни пера». Напечатайте, пожалуйста, фотографию.

Любящие и уважающие сыновья: Константин, Виктор, Александр и супруга Мария

Трусливого человека обычно сравнивают с зайцем: «Трусливый как заяц». Но это не так. Заяц — не трусливый зверек, скорей наоборот. В этом я убеждался не раз. Вот один из таких случаев.

Любил я потропить зайчишкам по первой порошке. В конце октября выпал снег. Самое время для троплзания. Иду по дальше от города. Рассвет застает в 10 километрах от дома. В поисках заячьего следа иду вдоль большой поляны. И вот он — след. Начинаю распутывать все его хитросплетения. Одна двойка, вторая и след пошел вглубь по-

ляны. Значит, нужно быть очень внимательным и искать скидку-прыжок в сторону, на лежку на дневной отдых. Впереди по следу природа сделала круглую яму в виде усеченного конуса вершиной вниз. Верхний диаметр впадины метров восемь, а дно метра четыре. Скидку заяц сделал на склон этого конуса и мелкими шажками спустился на дно, заросшее очень высокой травой.

Обхожу вокруг этой впадины — выходного следа нет. Начинаю шуметь, чтобы выпугнуть зверька, но безуспешно. Скатаю снегок, бросаю вниз. Еще и еще раз бросаю — безрезультатно. Поблизости из-под снега торчит трухлявый пень. Ломаю его и большими кусками бросаю вниз — тишина. Еще раз обхожу углубление вокруг: входной след есть, выходного нет. Решаю спуститься и выяснить причину исчезновения зайца. Не мог же он улететь? Спускаюсь на дно и начинаю потихоньку раздвигать траву. Около брошенного мной куска пня руки почти коснулись ушей зайца. Под ним как будто взорвалась граната. Прыжок... и он на середине склона, еще прыжок — уже наверху, а я, удивленный и растерянный, но не огорченный — внизу. Храбрец уносится в заросли бамбука — в них его не достать, в них его спасение.

А. БУДАЛОВСКИЙ
Сахалинская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Спасибо вам за ту радость, которую дарите каждому любителю природы, читающему ваш журнал. Пишет вам охотник из Смоленска. Занимаюсь охотой не так давно, но твердо знаю, что не оставлю этого занятия никогда. Ведь только охота позволяет раскрыть в себе истинную любовь ко всему живому. И пусть нет у нас живописных и величественных гор Кавказа и Камчатки, необъятных лесов Сибири и красоты карельских озер, но что может быть прекрасней родной природы, когда слышишь щебет лесных птиц, дышишь свежим воздухом и улыбаешься солнечному лучику, пробивающемуся сквозь лесные заросли!

Увлечению охотой я обязан своему отцу Матвееву Сергею Григорьевичу, который любимому занятию посвящает все свое свободное время, но амая большая его страсть — охота с гончими. В этом невероятно красивом и интересном виде охоты отец достиг большого мастерства. В этом году ему исполнилось 53 года, вся наша семья поздравляет его и желает крепкого здоровья, много радостных и светлых дней и, конечно, охотничьей удачи. Желаем всегда оставаться молодым и веселым! Опубликуйте, пожалуйста, это письмо и фотографию отца в любимом журнале.

Г. МАТВЕЕВ
г. Смоленск

Матвеевы после грибной охоты

охотник и рыболов сибири
ГАЗЕТА ДЛЯ ДУШИ

• «Охотник и рыболов Сибири» — ежемесячная полностью цветная газета, 24—32 страницы формата А3.

• Об охоте и оружии, о рыбаке и настии.

• О зверях и рыбах Сибири. О способах их добывки и воевки.

• Информация от сибирских Обществ охотников и рыболовов, сибирского спорта.

• Повседневный опыт сибирских охотников и рыболовов.

• Познавательные и развивающие рассказы сибирских охотников.

Подписку можно оформить на любой почте, на любой срок и слюбого месяца по каталогу «Почта России».

ИНДЕКС — 31720.

Стоимость подписки за полгода не должна превышать 100 рублей (зависит от региона страны).

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

ЧЕРНЫШЁВ В.	Благословенный праздник августа	1
СЕВАСТЬЯНОВ А.	У болотистого залива	2
ЧЕСНОКОВ Н.	Таежная одиссея	4
МАКСИМОВ В.	Куда исчезают кабаны зимой?	6
ДМИТРИЕВ А.	Сафари Александра Хохлова	8
КУЧЕРЕНКО С.	Лисица	10
ДЁЖКИН В.	Олдо Леопольд — великий эколог, охотник и охотник	14
ЛЕОПОЛЬД О.	Гусиная музыка	15
ЖИТЕНЁВ Д.	Советы бывалых охотников. Грузди да боровики	16
Монография об истории Русской псовой охоты		17
ВАСНЕЦОВА И.	Натаска первопольной легавой собаки	18
ИГНАТЬЕВ В.	Печатные работы М. Н. Смирнова	21
ПЕРМИНОВА Н.	Стихи	22
ДИГИЛЕВИЧ А.	Испытания по утке	28
ГУРОВ В.	Современные охотничьи ружья. Ружья Ижевского механического завода	30
АСТАФЬЕВ Н.	Хранение оружия	31
ТУНДЫКОВ Ю.	Домашнее снаряжение патронов	32
ГУЗЕНКО А.	Таежный пес Джека	34
БУЛГАКОВ М.	Русские писатели-охотники. Николай Алексеевич Некрасов	38
НЕКРАСОВ Н.	Псовая охота. Дедушка Мазай и зайцы	41
СТАРЧЕНКО Н.	Зарастаем?	44
Письма читателей		46
Реклама		9, 13, 23, 24, 25, 26, 33, 47
ШИШКИН В.	Кулики	48

На первой странице обложки:
Все выводки давно уж на крыле. Пора открывать охоту!

Фото А. Дигилевича

На четвертой странице обложки:
О. Елагин с добытой серной. Серна относится к отряду парнокопытных, семейству полорогих, роду серн. Единственный вид этого рода обитает у нас на Главном Кавказском хребте и в Закавказье

Фото О. Елагина

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висяццев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышёв, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор З. М. Данилова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко

Сдано в набор 02.06.2008 г. Подписано к печати 20.07.2008 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 27 000 экз. Заказ 3043.

Цена — по каталогу Роспечати

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 607-24-05, 607-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат»

142300, г. Чехов Московской обл.

Сайт: www.chpk.ru E-mail: marketing@chpk.ru

Факс 8(49672) 6-25-36, тел. 8(499) 270-73-59

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати 12.10.90 № 452

КУЛИКИ

Среди всех птиц, обитающих в суровых арктических тундровых ландшафтах, мало кто может соперничать с родом песочников по разнообразию гнездящихся здесь видов (около 20). Эти мелкие и среднего размера кулички отличаются не только пристрастием к высоким широтам, сверхдальными миграциями на места зимовок (до Южной Африки, Новой Зеландии и т.д.), но и крайними вариантами брачных отношений: от устойчивой моногамии, до сложных форм полигамии. Размеры кладки (4 яйца), время насиживания (около 3-х недель), сроки подъема молодых на крыло (около 2,5 недель) у многих песочников схожи. В рационе преобладают некрупные беспозвоночные, изредка семена растений.

Кулик-воробей (вес до 44 г, размах крыльев до 30 см) один из обычных мелких песочников наших арктических тундр от Мурмана до Чукотки. Во время миграций образует крупные стаи. В брачном оперении отличается рыжеватым тоном спины, головы, зоба. Горло, брюхо, полоса на крыле белые. Клюв и ноги черные. В зимнем наряде рыжеватый тон сменяется на светло-серый. На востоке Таймыра, в дельте Лены, на Чукотке с «воробьем» соседствует похожий на него, чуть более крупный, **песочник-красношейка**, более ярко окрашенный в оранжевато-рыжеватые тона (голова и шея). Близкий к песочникам, похожий на «красношейку» **лопатень** хорошо отличается своей необычной формой клюва — черной, уплощенной на конце «лопаточкой». Эндемик России, лопатень находится под угрозой вымирания. На побережьях Чукотки и севера Камчатки сохранилось, вероятно, не более 200 пар. Возможно, основные проблемы этого вида связаны с местами зимовок (Юго-Восточная Азия). Много рыжеватых тонов в брачном оперении более крупной, обитающей в самых высоких широтах Евразии (Шпицберген, Новосибирские о-ва и т.д.) и Сев. Америки, **песчанки** (вес до 100 г, размах крыльев до 40 см). В зимнем оперении хорошо отличается очень светлой окраской, контрастирующей с черными маховыми. На крыле белая полоса. Задний палец на лапе отсутствует. Есть рыжевые тона в оперении **длиннопалого песочника**. От похожего на него кулика-воробья он отличается желтыми длинными ногами (в полете выступают за обрез хвоста) и необычным гнездовым биотопом — в основном болота лесной зоны Сибири (от Зауралья до Анадыря). Есть он на Сахалине, Командорах, Сев. Курилах. Похож на кулика-воробья и внешне, и областью гнездового ареала **белохвостый песочник**, более буровато-серый, с белыми крайними рулевыми, желтыми ногами. Характерен токовый полет с трепетанием поднятых крыльев и серебристой трелькой «тръръръръ...». Вселенцы из тундр Сев. Америки — многочисленный, гнездящийся в том числе на Чукотке, **перепончатопалый песочник** (от «воробья» отличается длинным клювом, отсутствием рыжего цвета на зобе); более редкий, сероватый, короткохвостый **малый песочник**; более крупный **Бэрдов песочник** (вес до 60 г), на гнездовании продвинувшийся от Чукотки до о. Врангеля. Последний очень похож на залетавшего к нам (Чукотка, Забайкалье, Приморье, Земля Франца-Иосифа) из Сев. Америки **Бонапартова песочника** (назван в честь племянника Наполеона I, зоолога, работавшего в том числе в Сев. Америке). Надхвостье Бонапартова песочника белое, пестрин на боках больше, чем у Бэрдова (последний назван в честь американского натуралиста XIX в. С.Ф. Бэрда). На Чукотку отмечался залет еще одного североамериканского песочника — **песочника-крошки**, похожего на уменьшенный, коротконогий, более серый вариант длиннопалого песочника, с меньшим развитием серого на подкрыльях и более округлыми темными пятнами на спине.

Загадочен близкий к песочникам **грязовик** (вес до 65 г), крайне спорадично распространенный от южной тундры до болот северной тайги, от Скандинавии до Колымы. Хорошо отличается длинным, толстым у основания клювом, двойной светлой бровью, желтоватыми ногами, темной спиной. Зимует от Южной Африки до Южной Австралии.

Хотя песочники не включены в перечень охотничьих птиц России, крупные виды, о которых мы расскажем в следующем номере, могут попадать под случайный, необдуманный выстрел. Лопатень включен в Красную книгу России и Международную Красную книгу.

В. ШИШКИН

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

УССН 0131—2596. Охота и охотниче хозяйство, 2008. № 8. 1—48.

Индексы 70673 — на полгода, 72376 — на